10 144

ГААЗЕ (Haase).

10/144

53/2

Классовое правосудіе.

Перев. съ нѣмецкаго **Н. Жбанковой** и **Ал. Витина.**

Съ предисл. и примѣчаніями **Ал. Витина.**

Со вступленіемъ и подъ редакціей **П. Н. Малянтовича.**

ИЗДАНІЕ
С. Н. ГАВРИЛОВА.

МОСКВА—1907.

И

Гос. ордена Трудового Красного Знамени
государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР
1300028

ИЗ КНИГ СТЕПАНА САВВИЧА КРИВЦОВА.

62.9 1628 -27.7.1918.

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.

Отъ редактора.

„Такъ какъ со злодѣевъ соціалъ-демократовъ снята теперь смирительная рубаха драконовскихъ и исключительныхъ законовъ“. ...а „наше уголовное уложеніе не приноровлено спеціальнo къ тому, чтобы служить оружіемъ противъ соціалъ-демократіи, то нужно превратить его въ это оружіе путемъ тонкаго и изящнаго толкованія дѣйствующихъ нормъ... Пока мы, защитники существующаго строя, еще имѣемъ въ своихъ рукахъ судебную власть, мы должны постараться, прежде чѣмъ вспыхнетъ соціальная революція, использовать эту власть въ борьбѣ съ нашимъ смертельнымъ врагомъ. Такъ думаютъ и чувствуютъ самые сознательные и честные умы среди нѣмецкаго судебнаго сословія и за ними волей-неволей слѣдуютъ всѣ остальные“.

Миттельштедтъ, бывш. членъ германск. верховнаго имперскаго суда (изъ доклада Гаазе).

„...Товарищи! никакіе параграфы уголовнаго уложенія не смогутъ задержать побѣднаго шествія германскаго рабочаго класса!..“.

Гаазе (изъ доклада).

Вліятельный судья, членъ верховнаго судилища отъ имени „всѣхъ сознательныхъ и честныхъ умовъ“ нѣмецкаго судебнаго сословія сѣтуетъ, негодуя, что съ соціалъ-демократовъ снята „смирительная рубаха драконовскихъ исключительныхъ законовъ“, что уголовное уложеніе не приноровлено спеціальнo къ борьбѣ съ соціалъ-демократіей, и требуетъ использовать судебную власть для борьбы съ нею, „нашимъ смертельнымъ врагомъ“—путемъ тонкаго и даже „изящнаго“ толкованія закона въ интересахъ защиты существующаго государ-

ственнаго и соціальнаго строя... Откровенно!.. Да будетъ такъ! И такъ свершилось!.. Но почему же такая власть называется „судебной“? И гдѣ же тутъ правосудіе?..

И Гаазе убѣдительно доказываетъ, что его въ Германіи нѣтъ, что за „сознательнымъ“ Миттельштедтомъ, дѣйствительно, слѣдуютъ „волей-неволей всѣ остальные судьи“. Онъ не согласенъ съ Миттельштедтомъ только въ томъ, что дѣйствующіе въ Германіи уголовные законы недостаточно приноровлены для защиты существующаго строя и даже для борьбы съ соціалъ-демократіей; что толкованія этихъ законовъ „тонки и изящны“, а судьи, авторы этихъ толкованій,—не только „сознательные“, но и „честные умы“. По справедливому мнѣнію Гаазе, германское уголовное уложеніе весьма недурно защищаетъ существующій строй, другими словами, интересы господствующихъ классовъ, а такъ называемая судебная власть стремится обратить его поистинѣ въ „смирительную рубаху драконовскихъ исключительныхъ законовъ“ всѣми мѣрами—очевиднымъ нарушеніемъ закона, слѣпымъ повиновеніемъ полицейскимъ распоряженіямъ, незаконнымъ зятягиваніемъ дѣлъ и увеличеніемъ сроковъ предварительнаго заключенія, отвратительными условіями карательнаго режима, но только не путемъ „тонкаго и изящнаго толкованія“: толкованія закона германскими судьями, обыкновенно, очень не хитры и весьма часто откровенны до цинизма... Такъ судятъ побѣдители, стараясь использовать судебную власть, „прежде чѣмъ вспыхнетъ соціальная революція“ (Миттельштедтъ), грозный призракъ, который вдохновляетъ ихъ храбростью отчаянія!..

Съ теоретической точки зрѣнія докладъ Гаазе не представляетъ интереса. Своимъ выводамъ онъ не даетъ историко-философскихъ предпосылокъ и не облекаетъ ихъ въ форму строго продуманной юридической конструкціи. Но такой задачи Гаазе себѣ и не ставитъ. Онъ дѣлится съ товарищами по партіи своимъ огромнымъ опытомъ адвоката-практика, постояннаго и неутомимаго защитника передъ судомъ интересовъ рабочаго класса и его идейной представительницы—соціалъ-демократіи, и въ своемъ докладѣ почти не выходитъ изъ области примѣненія судомъ уголовнаго закона и толкованія его въ

интересахъ существующаго строя. И картина выходитъ интересная и очень поучительная, а выводы напрашиваются сами собой. И это понятно. Законъ, даже самый идеальный, всегда отстаетъ отъ жизни и весьма часто не совпадаетъ съ ея требованіями даже въ моментъ своего изданія. Нерѣдко въ немъ каменѣютъ давно прошедшіе и отвратительные пережитки. Поэтому, примѣненіе закона судьями и толкованія его для примѣненія даютъ гораздо болѣе матеріала для правдивой характеристики и вѣрной оцѣнки господствующаго правопорядка, чѣмъ самый законъ.

Весьма поучительно познакомиться съ установившимся правопорядкомъ нашей сосѣдки, которая такъ давно и такъ предупредительно одаряетъ насъ изъ сокровищницы своего научнаго и практическаго опыта. Особенно поучительна для русскаго рабочаго класса, который и у насъ, какъ и всюду, идетъ съ авангардѣ революціоннаго движенія. Докладъ Гаазе даетъ эту возможность въ формѣ интересной, простой и общедоступной. Поэтому, переводъ его на русскій языкъ намъ кажется полезнымъ.

Аудиторія, передъ которой дѣлалъ Гаазе свое сообщеніе, очевидно, не нуждалась въ цитированіи тѣхъ параграфовъ уголовнаго закона, примѣненіе и толкованіе которыхъ нѣмецкими судьями докладчикъ иллюстрировалъ примѣрами изъ судебной практики. Не нуждалась она также и въ изложеніи общей системы германскаго уголовнаго права и процесса (судопроизводства и судоустройства) и выдающихся судебныхъ процессовъ (напр. Кенигсбергскій и Бреславскій) и въ поясненіи терминовъ, которые, повидимому, пріобрѣли въ Германіи право гражданства (напр. „стачечные посты“). Этого, очевидно, нельзя сказать про русскихъ читателей доклада Гаазе, кромѣ, можетъ быть, юристовъ. Поэтому намъ казалось полезнымъ снабдить докладъ Гаазе примѣчаніями, которыя бы давали возможность читателю ознакомиться въ точномъ переводѣ съ параграфами закона, о которыхъ ведетъ бесѣду Гаазе, самостоятельно сопоставить ихъ между собою и критически повѣрить выводы докладчика, пользуясь дополнительно и тѣми добавочными сообщеніями и соображеніями, которыя даетъ авторъ примѣчаній, кромѣ текста законовъ.

Понятнымъ и простительнымъ искушеніемъ было сопоставить дѣйствующій въ Германіи уголовный законъ и германскую уголовно-судебную практику съ научнымъ германскимъ правосознаніемъ въ лицѣ общепризнанныхъ и очень вліятельныхъ германскихъ юристовъ-теоретиковъ. Авторъ предисловія (онъ же авторъ примѣчаній) дѣлаетъ попытку дать такое сопоставленіе и предлагаетъ читателю краткій очеркъ теоретической разработки уголовнаго права въ Германіи, останавливаясь болѣе подробно лишь на нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ теоріи уголовнаго права. Выводъ невеселый. Даже наиболѣе прогрессивные теоретики изъ разряда „цеховыхъ“ германскихъ ученыхъ (а именно, „цеховые“ ученые и „дѣлаютъ“ въ Германіи науку права, вліяющую на законодательное творчество) находятся настолько во власти „существующаго строя“, что не въ силахъ довести свою реформаторскую мысль до ея логическаго конца. Но законодатель не у нихъ даже черпаетъ свое вдохновеніе: онъ обычно беретъ въ руководство самое реакціонное изъ всего того, что предлагается теоріей. А „сознательные и честные умы“ изъ судебнаго сословія продолжаютъ работу законодателя въ томъ же направленіи, настойчиво, ежедневно и... подъ угрозой „соціальной революціи“ (Миттельштедтъ). Таковы то творцы германскаго правопорядка! Немудрено, что нѣмецкому рабочему жутко становится...

Гаазе считалъ необходимымъ сдѣлать свой докладъ въ виду того, что въ Германіи „идетъ пересмотръ уголовнаго уложенія, уголовнаго судопроизводства и карательнаго режима“, и для того, чтобы выяснить „нашу точку зрѣнія на всѣ эти вопросы и ясно и опредѣленно показать, что представляетъ изъ себя наше правосудіе“. Россіи тоже предстоитъ пересмотръ и при томъ всѣхъ законовъ, конечно, по иниціативѣ народа. Намъ пора, поэтому, отрѣшиться отъ равнодушія къ вопросамъ права. Оно было объяснимымъ тогда, когда царилъ въ Россіи непререкаемо всевластный самодержавно-полицейскій режимъ. Онъ былъ олицетвореніемъ послѣдовательнаго произвола, полнымъ отрицаніемъ самой идеи права. Это тяжкое время минуло безвозвратно, и теперь мы находимся въ процессѣ творческой борьбы за право, за

новое право... Необходимо, поэтому, и въ Россіи показать широкимъ народнымъ массамъ, что представляетъ изъ себя наше русское правосудіе. И необходимо это сдѣлать въ формѣ интересной и очень простой, всѣмъ доступной. Такая работа настоятельно необходима и ждетъ своего исполнителя, который долженъ побороть пренебрежительное отношеніе общества и полное равнодушіе народа къ вопросамъ права и судебной практики. Матеріала для такой работы больше, чѣмъ достаточно. Въ полную параллель докладу Гаазе, можно было бы развернуть мрачную картину русской дѣйствительности. И здѣсь, какъ и всюду, повторилось бы то же самое: повседневная практика судовъ гораздо характернѣе для нашего правопорядка, чѣмъ писаный законъ. Вотъ примѣръ изъ этой практики по дѣламъ о печати. Новый законъ о печати (24 ноября 1905 г.) отмѣнилъ предварительную цензуру повременныхъ изданій (п. I) и ст. 140 стараго устава о цензурѣ и печати, предоставлявшую министру внутреннихъ дѣлъ право воспрещать оглашеніе или обсужденіе въ печати какого-либо вопроса государственной важности. Въ области сообщенія фактовъ въ этомъ законѣ имѣется только одно ограниченіе (п. VI): министру внутрен. дѣлъ предоставлено воспрещать сообщеніе въ повременныхъ изданіяхъ свѣдѣній о передвиженіи войскъ или морскихъ силъ и о средствахъ обороны, да и то съ соблюденіемъ особаго порядка и на опредѣленный срокъ. Точный и ясный текстъ закона не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, за указаннымъ ограниченіемъ, повременная печать имѣетъ право сообщать о всѣхъ фактахъ текущей дѣйствительности и свободно помѣщать всѣ перепечатки, каково бы ни было ихъ содержаніе. Но и у насъ „сознательные умы“ судебнаго сословія поспѣшили дать свое, болѣе пригодное для защиты существующаго строя толкованіе очевиднаго смысла закона. Въ уголовномъ уложеніи (изд. 1903 года, только въ части введенномъ въ дѣйствіе) есть пресловутая 129 ст., карающая за возбужденіе (въ рѣчи или путемъ распространенія печатнаго сочиненія), между прочимъ, къ бунтовщическимъ дѣяніямъ и къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. И вотъ, если газета, или другое повременное изданіе,

сообщая, напр., въ отдѣлѣ хроники, о какомъ-нибудь собраніи, приводитъ принятую на этомъ собраніи резолюцію, въ которой прокурорская власть усматриваетъ „возбужденіе“ въ смыслѣ 129 ст., редакторы немедленно привлекаются къ отвѣту по этой статьѣ и неукоснительно судомъ осуждаются, хотя бы они не высказали никакого сочувствія приведенной резолюціи, хотя бы ни одной строчки самостоятельнаго текста имъ въ вину не вмѣнялось. Какъ же разрѣшаетъ судъ такое вопіющее противорѣчіе между своими приговорами и яснымъ текстомъ закона 24 ноября 1905 г.? Никакъ. Теперь въ этомъ и надобности нѣтъ: по закону 18 марта 1906 года судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей (обвиненія по 129 ст. уг. ул. разсматриваются этимъ судомъ) не мотивируютъ своихъ приговоровъ. Какъ присяжные засѣдатели, они отвѣчаютъ на поставленный вопросъ о виновности „да“ или „нѣтъ“. Но и до закона 18 марта 1906 года дѣло обстояло не лучше. Только неправосудіе ихъ приговоровъ было тогда очевиднѣе, потому что толкованія ихъ не были „ни тонки, ни изящны“. Да это и не стоило труда: наше высшее судилище, сенатъ, разрѣшило вопросъ безъ долгихъ думъ и тяжкихъ размышленій. Таковы его рѣшенія по дѣламъ, напр., Ходскаго, Кожевникова, Аматова. Вотъ буквальный тезисъ одного изъ его рѣшеній (по д. Аматова): „...достаточно, чтобы обвиняемый при распространеніи извѣстнаго сочиненія сознавалъ, что онъ можетъ возбудить читателей къ одному изъ дѣйствій, указанныхъ въ 129 ст.“... И все. Больше ни одного довода... Или (по д. Кожевникова):... „ст. 129 уг. улож. не требуетъ для примѣненія ея, чтобы сочиненіе, въ распространеніи котораго обвинено то или другое лицо, было составлено этимъ лицомъ; распространеніе этого сочиненія, а *стало быть и перепечатка* такового изъ другого изданія одинаково подвергаетъ распространителя послѣдствіямъ, указаннымъ въ приведенномъ законѣ, если только онъ сознавалъ преступность содержанія перепечатываемой имъ статьи“. А въ какомъ отношеніи къ ст. 129 уг. ул. стоитъ законъ 24 ноября 1905 г.? Объ этомъ ни звука, хотя этотъ вопросъ былъ поставленъ на принципіальное обсужденіе сената. И вотъ перепечатка, простое фактическое сооб-

щеніе двухъ резолюцій совѣта рабочихъ депутатовъ и рѣчи его предсѣдателя въ толстой книжкѣ ежемѣсячнаго журнала, занимающихъ въ общей сложности около 250 строкъ, на протяженіи 45 страницъ, при чемъ во всей книжкѣ редактору журнала не инкриминировалось ни одной строчки самостоятельнаго текста,—приравнивается къ сознательному распространенію чужого сочиненія „возбуждающаго“ и проч... И дѣлается это съ презрительнымъ, циничнымъ высокомѣріемъ людей, которые, видимо, спѣшатъ „использовать свою судебную власть“...

Таковъ образчикъ нашей „судебной практики“, примѣръ „тонкаго и изящнаго толкованія“ закона: и у насъ она идетъ дальше закона въ защитѣ существующаго строя...

Пусть такъ!.. А все-таки: „товарищи! никакіе параграфы уголовнаго уложенія не смогутъ задержать побѣднаго шествія“ (Гаазе)... и русскаго рабочаго класса. Но для этого на всѣ позиціи стараго порядка надо вести аттаку, а въ сферѣ дѣйствующаго права и судебной практики надо начать съ обнаруженія передъ широкими массами „двойного мѣрила правосудія“ (Гаазе): одно для господствующихъ классовъ, другое для трудящихся массъ и изъ нихъ, въ особенности, для рабочаго класса...

Предисловіе.

Нѣтъ, вѣроятно, ни одной другой такой „надстройки“, которая такъ трудно доступна была бы буржуазному уму въ освѣщеніи экономическаго матеріализма, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ вопросамъ права. Буржуазная мысль страдаетъ, вообще говоря, однимъ крупвымъ недостаткомъ — близорукостью. Она иногда ясно видитъ вліяніе экономическаго фактора, классовой борьбы, того или иного хозяйственнаго строя, но только тогда, когда это вліяніе стало, такъ сказать, осязательнымъ, когда оно приняло характеръ формаціи, наслоенія. Но она не можетъ усвоить проявленія незыблемаго историческаго закона въ его динамикѣ, и не видя, отрицаетъ его. И если сказанное относительно буржуазнаго пониманія исторіи и дѣйствительности вѣрно вообще, то оно безусловно очевидно, когда рѣчь идетъ о правовыхъ вопросахъ. Теперь уже никакой болѣе или менѣе умный буржуазный политикъ не вздумаетъ отрицать экономическаго фактора, какъ главнаго двигателя въ области политики, ни одинъ порядочный государствовѣдъ не станетъ оспаривать господства классовой борьбы въ сферѣ государственной жизни. Но наврядъ ли найдется хоть одинъ „присяжный“, „цеховой“ юристъ, который рѣшился бы признать, что вся система современнаго права есть не что иное, какъ регламентированный по параграфамъ и статьямъ порядокъ господства интересовъ имущихъ классовъ надъ интересами неимущихъ,—порядокъ, вытекающій въ свою очередь изъ капиталистическаго способа производства. Конечно, всякій „романистъ“ или цивилистъ вообще скажетъ вамъ, что законодательное

регулированіе, положимъ, института собственности въ римскомъ правѣ было совсѣмъ иное, чѣмъ теперь, что разница между теперешнимъ построеніемъ этого института и римскимъ коренится въ различіи экономическаго и общественнаго строя Римской имперіи и современныхъ капиталистическихъ государствъ. Но признавая это, цеховой юристъ станетъ васъ увѣрять, во-первыхъ, что то, что вѣрно для цѣлыхъ и большихъ историческихъ періодовъ, непримѣнимо къ текущей дѣйствительности, во-вторыхъ, что если бы это даже и было такъ, если бы въ общемъ и цѣломъ нормы права и вытекали изъ экономическаго строя общества, то все же это не касалось бы каждой изъ этихъ нормъ въ отдѣльности, это не касалось бы Ѳемиды, какъ безстрастнаго и безпристрастнаго судьи, карающаго и милующаго, исходя исключительно изъ принциповъ вѣчной, неизмѣнной, незыблемой справедливости, это не касалось бы, наконецъ, ихъ, цеховыхъ юристовъ, этихъ стражей юстиціи. Для юриста существуютъ только его собственные юридическіе принципы, его собственныя юридическія построенія и *догмы*.

Между тѣмъ ничто, можетъ быть, не свидѣтельствуетъ такъ о зависимости права отъ экономическаго строя и въ частности о буржуазномъ характерѣ современнаго права, какъ именно это господство догмы въ области права. Юриспруденція и этика—это тѣ метафизическія твердыни, подъ защитою которыхъ лучше всего чувствуетъ себя *без*нравственный и *не*справедливый, *не*правый буржуа. Послѣ блестящаго изслѣдованія К. Каутскаго по этикѣ *) можно считать твердо установленнымъ и безспорно доказаннымъ, что возвышенность принциповъ буржуазной морали обратно пропорціональна содержанію нравственнаго багажа ея проповѣдниковъ. Подъ прикрытіемъ догмы, *закона*, будетъ ли то законъ юридическій или моральный, будетъ ли то категорическій императивъ **) или ненарушимый параграфъ *позитивнаго* права—буржуа проводитъ самые что ни на есть грубо-клас-

*) К. Каутскій: Этика и экономическое пониманіе исторіи.

**) Въ частности о буржуазномъ характерѣ Кантовскаго „категорическаго императива", см. оригинальную статью нашего соотечественника A. Joffe въ „Neue Zeit", май, 1906 г.

совые интересы, творитъ наибольшія беззаконія, совершаетъ наиболѣе безнравственные поступки. Какъ только право догматизируется, какъ только оно отрывается отъ жизни и начинаетъ господствовать надъ нею изъ блиндированнаго кодекса—его буржуазно-классовый характеръ налицо. Да и разсуждая чисто философски, нужно ли лучшее доказательство буржуазности современнаго права, чѣмъ то, что оно облекается въ мундиръ самодовлѣющаго абсолюта, что оно выдаетъ себя само—и фактически является—дисциплиной метафизической? Иной цеховой юристъ, пожалуй, возмутился бы подобнымъ обвиненіемъ, возводимымъ на современную юриспруденцію. Какъ!—скажетъ онъ—мы—метафизики? Мы, высмѣивающіе, какъ ребяческую идею, естественное право, мы, вышедшіе изъ горнила „исторической школы“ и основывающіе все ученіе о правѣ на „позитивизмѣ“,—мы метафизики? Да, именно этотъ „позитивизмъ“ цеховыхъ юристовъ, именно возведеніе ими чуть ли не въ міровой законъ каждаго параграфа дѣйствующаго „позитивнаго права“, именно то, что въ ихъ глазахъ право, законъ, какъ только они принимаютъ форму писаннаго кодекса, дѣлаются чѣмъ-то самодовлѣющимъ, допускающимъ дальнѣйшую критику и разработку только въ предѣлахъ этого кодекса—именно это доказываетъ, что они метафизики. Ибо метафизика не должна быть обязательно трансцендентной, она можетъ великолѣпно уживаться—и фактически уживается—съ самыми грубыми земными интересами. Даже больше: чѣмъ грубѣе эти интересы, тѣмъ больше метафизики нужно для ихъ защиты. И современное право, какъ гражданское, такъ и уголовное, какъ государственное, такъ и административное—это метафизика, это возведеніе въ абсолютный законъ эксплоатаціи труда капиталомъ, неимущихъ имущими, и современные юристы съ ихъ тонкой разработкой системъ права, съ ихъ „позитивизмомъ“ и „объективностью“ являются защитниками этой эксплоатаціи.

Что въ современномъ обществѣ право создается капиталомъ и опредѣляется имъ—въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, что максимумъ развитія капитализма и наиболѣе совершенное развитіе права въ одной и той же странѣ совпадаютъ, и наоборотъ. Возьмемъ для сравне-

нія двѣ діаметрально-противоположныя по своему экономическому и соціально-культурному состоянію страны—Россію и Германію. Безспорно, что наша россійская буржуазія въ настоящій моментъ находится еще только, такъ сказать, въ эмбріональномъ состояніи, такъ же, какъ и само капиталистическое развитіе Россіи. Она еще не сознала себя ясно, и вслѣдствіе этого способы ея эксплоатаціи и форма, которую принимаетъ защита этой эксплоатаціи—система права—примитивно-хищническая, не разработанная. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Германіи. Тамъ маски окончательно сняты. Классовая борьба ведется въ такомъ, такъ сказать, чистомъ, неприкрытомъ видѣ, который дѣлаетъ ее иногда даже схематизированною. Здѣсь именно, въ Германіи, всѣ общественно-правовые институты, начиная съ политики и кончая чуть ли не эстетикой, уже давно представляютъ собою ясное, кристаллизованное отраженіе экономической дѣйствительности. И вотъ какъ разъ въ Германіи именно мы видимъ самый пышный расцвѣтъ права, какъ науки, какъ догмы. Германія можетъ по справедливости—и германскіе юристы, конечно, гордятся этимъ—считаться, подобно древнему Риму, классической страной права. Достаточно назвать такія имена, какъ Томазіусъ и Савиньи, Іерингъ и Виндшейдъ, Гирке и Листъ, чтобы убѣдиться, что германскіе буржуазные идеологи не даромъ ѣли хлѣбъ у своихъ благодѣтелей, что они старательно, не за страхъ, а за совѣсть дѣлали свое дѣло, т.-е. искали все новыхъ и новыхъ болѣе усовершенствованныхъ формъ защиты и огражденія буржуазныхъ интересовъ, ихъ закрѣпленія и освященія. У нѣмецкихъ юристовъ все тщательно обработано и разработано. На всѣхъ областяхъ права замѣтны слѣды долгой и кропотливой работы, тонкой отдѣлки деталей, исканія „истины“. Здѣсь все кодифицировано, разбито, какъ на шахматной доскѣ, на правильные отдѣлы, раздѣлы, главы, параграфы, пункты. Каждый изъ этихъ отдѣловъ и параграфовъ старательно „комментированъ“, подвергся усердной „интерпретаціи“; каждый институтъ, каждая мелочь имѣютъ свои теоріи, свои „школы“, своихъ сторонниковъ и противниковъ...

Что представляетъ собою современный нѣмецкій юристъ,

какъ ученый и общественный типъ? Это—прежде всего Fachgelehrte—цеховой ученый. Каждый нѣмецкій профессоръ-юристъ непремѣнно „знаменитость“, потому что каждый изъ нихъ обязательно внесъ свою лепту въ буржуазную сокровищницу существующаго строя. Вы не найдете ни одного параграфа, ни одного изъ дѣйствующихъ „правъ“ — торговаго, морского, процессуальнаго, вексельнаго и т. д. и т. д.,— о которомъ не имѣлась бы огромная литература. Сердце цехового юриста не нарадуется, конечно, глядя на всю эту массу литературы, которая приводитъ въ ужасъ посторонняго человѣка, „профана“. Но если вы присмотритесь къ этой литературѣ, то вы убѣдитесь, что все это не болѣе, какъ собраніе фиговыхъ листковъ для прикрытія наготы мысли, наготы нравовъ, наготы капиталистическаго Молоха. Юридическая „братія“ составляетъ одну строго замкнутую касту, которая смотритъ съ высоты на всѣхъ простыхъ смертныхъ, непосвященныхъ во всѣ эти „теоріи“, „школы“, „фикціи“, „контроверзы“. Вся эта детальная обработка зиждется на дѣйствующемъ, на „позитивномъ“ правѣ. Здѣсь закрыты тщательно всѣ окна и двери, чтобы не допустить проникновенія извнѣ какого-нибудь „сквозняка“ съ улицы экономистовъ, соціологовъ, наипаче же „радикаловъ“ или соціалистовъ. Настоящій, „истинно-германскій“ юристъ смотритъ съ презрѣніемъ на всѣхъ этихъ „философовъ“ и „Laien“—профановъ. Юристъ-ученый, позволяющій себѣ выйти изъ узкихъ рамокъ своего цеха и пытающійся связать свое ученіе съ другими научными дисциплинами, старающійся отъ времени до времени пропустить въ затхлую атмосферу фоліантовъ свѣжую жизненную струю—такой юристъ является поистинѣ „бѣлымъ ворономъ“. Его преслѣдуютъ или—въ лучшемъ случаѣ—игнорируютъ. Германскіе юристы знаютъ, напримѣръ, Руд. Штаммлера, какъ талантливаго пандектиста, знатока римскаго права, но они совершенно не упоминаютъ о немъ, какъ объ авторѣ „Хозяйства и права“: это выходитъ уже за предѣлы „цеха“; пытаться отвѣчать какимъ-то тамъ марксистамъ и „профанамъ“—значитъ не быть истиннымъ юристомъ. Не спасаетъ Штаммлера и то, что онъ не соглашается съ этими „марксистами и профанами“, что пытаясь путемъ

винегрета изъ права и экономики, при помощи характернаго буржуазнаго дуалистическаго метода, спасти свой цехъ, онъ не поднимается выше интересовъ того класса, къ которому принадлежитъ. Точно такъ же и Руд. Іерингъ извѣстенъ въ германскихъ юридическихъ кругахъ главнымъ образомъ какъ авторъ „Избранныхъ (практическихъ) случаевъ“ и отчасти „Духа римскаго права“; но съ нимъ не считаются, какъ съ авторомъ „Цѣли въ правѣ“, потому что въ этой книгѣ Іерингъ, во-первыхъ, почти не цитируетъ параграфовъ, а, во-вторыхъ, высказываетъ ту „еретическую“ мысль, что право вытекаетъ изъ нуждъ и потребностей народа, и если народъ переросъ свои институты, а послѣдніе упорно не хотятъ умереть, то вмѣсто права писаннаго выступаетъ на сцену право революціи *)... И вся эта нетерпимость, весь этотъ цехъ, всѣ эти тонкости, вся эта казуистика, въ сущности говоря, служатъ ad maiorem capitalis gloriam. Нѣмецкіе буржуазные юристы защищаютъ буржуазныя же „позитивныя“ нормы потому, что онѣ установлены „законодателемъ“, т.-е. найдены буржуазіей самыми подходящими для защиты существующаго строя. Но, какъ и всегда и всюду, идеологи на то и существуютъ, чтобы, защищая какой-нибудь классъ, дѣлать видъ, что они якобы стоятъ внѣ классовъ, надъ классами, что для нихъ дорога „истина“, въ данномъ случаѣ ихъ, „цеховыхъ“, истина, истина параграфовъ...

Не задаваясь цѣлью входить въ разборъ дѣйствующаго германскаго права во всемъ его объемѣ, остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ, по нашему мнѣнію, конкретныхъ проявленіяхъ буржуазнаго характера современнаго нѣмецкаго права, какъ они отразились въ уголовномъ кодексѣ, тѣмъ болѣе, что это относится непосредственно къ темѣ предлагаемой читателю брошюры **).

Остановимся прежде всего на самомъ кардинальномъ

---

*) См. Ihering: „Der Zweck im Recht“, Цѣль въ правѣ. 2 Bde. passim. На русскій языкъ переведенъ, кажется, только I-й томъ.

**) Недурную, хотя далеко не полную и мѣстами—я бы сказалъ бьющую мимо цѣли—критику германскаго гражданскаго кодекса можно найти въ книгѣ А. Менгера: „Das bürgerliche Gesetzbuch und die besitzlosen Klassen“. Гражданское Уложеніе и неимущіе классы. Переведено на русск. яз.

пунктѣ всей системы уголовнаго права—на вопросѣ о томъ, что такое преступленіе, каковы его причины и цѣли борьбы съ нимъ. Посмотримъ, какъ трактуется этотъ вопросъ въ германской наукѣ права и въ германскомъ уголовномъ уложеніи. Оставляя въ сторонѣ господствовавшую одно время, но теперь, повидимому, окончательно отвергнутую „антропологическую“ теорію Ломброзо, кстати сказать, также глубоко буржуазную и—съ точки зрѣнія теоріи познанія—столь же глубоко невѣжественную (Ломброзо принимаетъ, въ лучшемъ случаѣ, слѣдствіе за причину), перейдемъ прямо къ борьбѣ двухъ школъ: школы „нормативной“ криминологіи *Биндинга* и „соціологической“ школы *Листа*.

Теорія Биндинга, имѣющая и теперь еще много сторонниковъ въ Германіи (Беллингъ, Фингеръ, Миттермайеръ, Биркмайеръ), разсматриваетъ преступленіе, какъ *нарушеніе установленнымъ закономъ нормъ*, какъ неповиновеніе законамъ *). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь въ этой теоріи—господство чисто формальной точки зрѣнія—самой характерной, какъ мы старались выше показать для буржуазной идеологіи. Существуетъ „норма“, т.-е. параграфъ закона, и больше ничего. Хорошъ этотъ параграфъ или плохъ, имѣетъ ли онъ въ виду защиту интересовъ общества, какъ цѣлаго, есть ли въ немъ какой-нибудь смыслъ—до всего этого Биндингу и его сторонникамъ нѣтъ никакого дѣла. Разъ „норма“ нарушена, мы имѣемъ налицо „преступленіе“ и, какъ возмездіе за него, наказаніе. Доказывать абсурдность и вздорность этой теоріи нѣтъ надобности. Отмѣтимъ только два пункта. Прежде всего теорія Биндинга находится въ преемственной и родственной связи съ другою, гораздо болѣе старою или старыми,—такъ какъ онѣ варьировались—теоріями такъ называемой „генеральной превенціи“ (предупрежденія)—Generalprävention. Согласно этой теоріи (сторонниками ея въ Германіи являются въ настоящее время многіе „извѣстные“—разумѣется, цеховые—ученые, какъ, напр., Каль, Келеръ и др.) цѣлью наказанія является воздѣйствіе не на преступника, а на всѣхъ непричастныхъ къ преступленію лицъ—на все

*) Binding: Die Normen und ihre übertretung, 2 Bde, и др.

общество. Наказать одного значитъ устрашить и отучить отъ преступленія многихъ. Связь между теоріей наказанія сторонниковъ Generalprävention и теоріей преступленія Биндинга, т. о., ясна до очевидности. Въ самомъ дѣлѣ, разъ преступленіе состоитъ только въ нарушеніи закона, нормы, параграфа (Биндингъ), то наказаніе имѣетъ смыслъ—главнымъ образомъ, какъ устрашеніе другихъ, не замѣшанныхъ въ преступленіи лицъ (Generalprävention). Наказать—значитъ въ данномъ случаѣ пріучить къ страху передъ закономъ, ибо преступленіе есть не что иное, какъ ослушаніе повелѣнія: „Не разсуждать!“ Въ теоріи Биндинга, дальше, сказывается какъ нельзя лучше, чистота проявленія ультра-буржуазнаго характера современнаго права. Дѣйствительно, Биндингъ не считаетъ ни удобнымъ, ни нужнымъ опредѣлять преступленіе, какъ *нарушеніе интересовъ общества* (конечно, буржуазнаго общества) — такъ опредѣляетъ преступленіе большинство современныхъ криминалистовъ,—а просто „пресѣкаетъ“ и „предупреждаетъ“ покушеніе на одну только даже законодательную формулировку этихъ интересовъ. Dura lex, sed lex—такова убогая философія этой теоріи.

Противъ Биндинга возстаетъ, какъ уже было сказано, „красный“ среди юристовъ, проф. Листъ, противопоставляющій школѣ „нормативнаго права“ школу „соціологическую“. По Листу, причиною преступленія, а въ зависимости отъ причины мѣняется и сущность преступленія, являются главнымъ образомъ или даже почти исключительно *факторы соціальные*. „Вліяніе соціальныхъ факторовъ—говоритъ онъ—станетъ для насъ особенно яснымъ, если мы сообразимъ, что проявляющіяся въ фактѣ совершенія преступленія особенности преступника, коренясь во врожденныхъ наклонностяхъ, получили свое дальнѣйшее развитіе и опредѣленіе, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ воспитывался и жилъ преступникъ со дня своего рожденія. Разъ мы признаемъ, что родители, истощенные сами въ борьбѣ съ окружающими ихъ условіями, передаютъ и своимъ дѣтямъ въ видѣ тяжелаго наслѣдства „психопатическую малоцѣнность“, ослабленную силу сопротивленія въ борьбѣ за существованіе, разъ мы это признаемъ, мы должны будемъ придти къ

заключенію, что всѣ наши соціально-политическія реформы отзовутся въ сильной степени и на будущихъ поколѣніяхъ. Въ качествѣ средства для борьбы съ преступностью соціальная политика дѣйствуетъ гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ наказаніе, ибо такія преступленія, какъ самоубійство, дѣтоубійство и другія, будучи по существу соціально-патологическими явленіями, имѣютъ свои глубокіе корни въ тѣхъ соціальныхъ условіяхъ, которыя опредѣляютъ заранѣе характеръ подрастающихъ поколѣній *).

Вы видите, что въ затхлой атмосферѣ цеховыхъ юристовъ Листъ съ его „соціологической школой“ является настоящимъ новаторомъ и даже еретикомъ. Для него не существуетъ никакихъ фетишистическихъ „нормъ“, онъ отрицаетъ „генеральную превенцію“, и признаетъ за наказаніемъ, соотвѣтственно съ характеромъ и причиною преступленія, значеніе лишь „спеціальной превенціи“—воздѣйствіе на самого преступника въ смыслѣ его улучшенія и исправленія, а въ еще большей степени на окружающую среду; Листъ признаетъ и широко пропагандируетъ „соціальную криминологію“, „криминальную политику“, онъ возстаетъ противъ безобразнаго института смертной казни **). Во всемъ этомъ для простыхъ смертныхъ нѣтъ, конечно, ничего новаго и тѣмъ менѣе „революціоннаго“. Что преступленіе—продуктъ соціальныхъ условій, что сущность преступленія сводится къ нарушенію интересовъ общества, т.-е.—въ настоящее время къ нарушенію интересовъ господствующихъ буржуазныхъ классовъ—это все, можно сказать, такія азбучныя исти-

*) Liszt, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, Berlin, 1905, стр. 72—73.

**) Кстати, когда въ Государственной Думѣ обсуждался вопросъ объ уничтоженіи смертной казни, одинъ изъ будущихъ авторовъ военно-полевыхъ судовъ, мин. юстиціи Щегловитовъ, сослался въ оправданіе позиціи „конституціоннаго правительства на Листа, какъ на якобы сторонника смертной казни. Какъ бывшій слушатель и ученикъ Листа, я осмѣливаюсь утверждать, что г. министръ говорилъ неправду: Листъ рѣшительно высказывается противъ смертной казни какъ вообще, такъ и въ примѣненіи къ какой бы то ни было странѣ. Г. министру, оперирующему съ Листомъ, слѣдовало бы знать хотъ учебникъ Берлинскаго профессора, гдѣ говорится, что „господство реакціи водетъ къ введенію смертной казни“. Lehrbuchetk, стр. 254.

ны, которыя могутъ взбудоражить развѣ только „цеховыхъ“. Но это между прочимъ. Оставимъ въ покоѣ „цеховыхъ“ и займемся ближайшимъ разсмотрѣніемъ „новой“ „соціологической“ теоріи Листа. И вотъ тутъ-то окажется, что по существу и Листъ, несмотря на свое новаторство, не вылѣзаетъ изъ шкуры буржуазнаго идеолога, и его „школа“ представляетъ собою какъ со стороны методолого-гносеологической, такъ и со стороны фактической построеніе буржуазной мысли чистой воды.

Въ самомъ дѣлѣ, въ приведенномъ выше обоснованіи, даваемомъ Листомъ своей теоріи, почтенный берлинскій профессоръ съ буржуазной трусливостью останавливается на полпути. Онъ говоритъ глухо о „внѣшней средѣ“, о „соціально-патологическихъ явленіяхъ“, о „соціальныхъ условіяхъ“, но онъ не додумывается или, правильнѣе—не рѣшается додуматься до „послѣднихъ причинъ“—до сущности и основного фона этихъ соціальныхъ явленій. Онъ даже не упоминаетъ о томъ, что большая часть современныхъ преступленій направлена противъ собственности и вызвана борьбой за существованіе неимущихъ классовъ, т.-е., въ конечномъ счетѣ, системой нашего хозяйства, системой эксплоатаціи и порабощенія одного класса другимъ. *Листъ не видитъ и не хочетъ видѣть классоваго характера права вообще и уголовнаго права въ частности.* Онъ вертится вокругъ и около истины, но не можетъ нащупать ее, потому что это не позволяетъ ему дѣлать его роль „ученаго юриста“, т.-е. защитника существующаго строя. Далѣе, поскольку рѣчь идетъ о методологической сторонѣ вопроса, Листъ, какъ буржуазный мыслитель, остается, конечно, *дуалистомъ*. Для него не существуетъ *одного* вѣрнаго взгляда: всѣ взгляды вѣрны... понемножку. „Не нужно забывать—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей цитированной выше книги *),—что истинное познаніе преступленія можетъ быть достигнуто только путемъ *соединенія* обоихъ методовъ (т.-е. криминальной *біологіи* и криминальной *соціологіи*) и пополненія одного результатами другого“. Въ другомъ мѣстѣ, разсматривая спо-

*) Lehrbuch etc., стр. 69.

...ерств. публичная историческая ...

собъ примиренія двухъ враждебныхъ теченій уголовнаго права, Листъ замѣчаетъ *): „Рѣчь идетъ при этомъ не о научномъ эклектизмѣ, а о *политическомъ компромиссѣ*". (!) Что Листъ далеко не приверженецъ „соціалистическаго" взгляда на исторію и на соціологію, слѣдуетъ хотя бы изъ слѣдующаго мѣста, которое я позволю себѣ еще процитировать: „Современные защитники идеи цѣли въ наказаніи (Zweckstrafe) отвергаютъ всякое міровоззрѣніе, какъ идеалистическое, такъ и матеріалистическое, такъ какъ и то и другое относятся къ области вѣры (sic); они требуютъ, чтобы наука уголовнаго права, какъ и всякая другая наука, вращалась исключительно въ границахъ *научнаго* познаванія" **). Здѣсь характерно все отъ начала до конца: и эта чисто „цеховая" боязнь всякихъ „міросозерцаній", могущихъ сбить съ толку бѣднаго правовѣрнаго юриста, и ссылка на область „вѣры", и наконецъ судорожное отстаиваніе юриспруденціи, какъ самостоятельной науки, разумѣется, науки „позитивнаго" права.

Разница между двумя борющимися за преобладаніе школами Биндинга и Листа въ воззрѣніяхъ на преступленіе и наказаніе, это принципіальное различіе между ними сказывается, конечно, и въ вопросахъ менѣе общаго характера—въ спорахъ относительно отдѣльныхъ конкретныхъ вопросовъ уголовнаго права. Остановлюсь здѣсь на одномъ изъ этихъ пунктовъ—самомъ важномъ, какъ мнѣ думается—на спорѣ о причинной связи между дѣйствіями лица, совершающаго преступленія, и ближайшимъ эффектомъ этихъ дѣйствій, тѣмъ эффектомъ который и составляетъ само преступленіе (такъ какъ не достигшее эффекта преступное дѣйствіе квалифицируется только какъ покушеніе и въ большинствѣ случаевъ не наказуемо). Здѣсь опять-таки необходимо оговориться, что и Листъ въ вопросѣ о причинности останавливается на полпути и не дѣлаетъ всѣхъ выводовъ изъ основныхъ положеній. Листъ формулируетъ свой взглядъ вкратцѣ такъ: „*Всѣ условія, подготовившія полученный эффектъ, равноцѣнны*" ***). Казалось бы, что отсюда одинъ

*) Цит. соч. стр. 86.
**) Тамъ же, стр. 82.
***) Цит. соч., стр. 126.

шагъ до полнаго проведенія основного взгляда Листа на преступника, какъ на продуктъ соціальныхъ условій. А это значило бы, что судъ долженъ былъ бы при обсужденіи вопроса о виновности принять во вниманіе не только *техническія* причины (умеръ ли, положимъ, имя рекъ отъ нанесенныхъ ранъ или отъ кровоизліянія въ мозгу, т.-е. были ли нанесенныя раны однимъ изъ „условій эффекта“, за которое отвѣчаетъ подсудимый, или нѣтъ), но и „всѣ условія“: воспитаніе преступника, окружающую среду, соціальное и экономическое положеніе и т. д. Вѣдь, разсуждая строго логически, все это,—причины даннаго совершеннаго преступленія, ибо логика не знаетъ *одной* причины или даже *суммы* причинъ; для нея существуетъ *цѣпь* явленій, находящихся во взаимодѣйствіи и взаимной послѣдовательности *). Въ области уголовнаго права, такая точка зрѣнія, помимо ея вѣрности, была бы также и наиболѣе справедливою, такъ какъ, вырывая изъ всей среды соціально-политическихъ условій случайную жертву и мстя ей за всѣхъ остальныхъ, современное классовое правосудіе совершаетъ еще одну крупную соціальную несправедливость по отношенію къ тому классу, который даетъ наибольшій процентъ современныхъ преступниковъ. Итакъ, начавъ съ построенія цѣпи причинъ, Листъ долженъ былъ бы дойти до конца. Но онъ этого не дѣлаетъ и черезъ четыре страницы послѣ приведенной формулировки заявляетъ: „Мы употребляемъ понятіе „причины“ не въ томъ строгомъ смыслѣ, согласно съ которымъ подъ причиною понимается всякое состояніе, за которымъ съ безусловною необходимостью слѣдуетъ другое состояніе“, и т. д. Буржуазность чувства и здѣсь измѣнила послѣдовательности мысли.

Но и въ приведенномъ пониманіи причинной связи преступленія и условій, создавшихъ его, Листъ встрѣчаетъ сильную оппозицію со стороны заядлыхъ „цеховыхъ“. Такъ, по Биндингу подъ причиною надо понимать такое дѣйствіе, которое даетъ окончательный толчокъ всѣмъ имѣющимся въ наличности условіямъ. Эта такъ называемая „теорія перевѣса“ (Übergewichtstheorie), — разу-

*) См. напр., Yigward: Logik, 2 Bde.

мѣется, лучше, чѣмъ теорія Листа, приспособлена и къ понятію о преступленіи, какъ нарушеніи „нормы“ и—что еще важнѣе—къ тому, чтобы не вдаваться въ дебри соціальныхъ и экономическихъ изслѣдованій природы преступленія вообще и каждаго даннаго преступленія въ частности. Еще приспособленнѣе для этой цѣли оказывается такъ наз. „теорія адекватныхъ причинъ“, согласно которой подъ причиною въ юридическомъ смыслѣ надо разумѣть „типичную“ причину, т.-е. такое дѣйствіе, которое *обычно* въ типичныхъ случаяхъ ведетъ къ такимъ-то результатамъ. Въ дальнѣйшій анализъ, такимъ образомъ, не приходится вдаваться: *типичной* причиной исчезновенія какой-нибудь вещи является, напримѣръ, кража, ergo—лицо совершившее ее надо наказать; до дальнѣйшаго намъ нѣтъ никакого дѣла. Адекватная теорія (всѣ эти теоріи, вѣдь, „строго и объективно научны“!) насчитываетъ довольно много сторонниковъ (Эндеманнъ, Циттельманъ, Рюмелинъ, Меркель и др.).

Мы познакомились вкратцѣ съ нѣмецкими буржуазно-криминалистическими школами. Какъ обстоитъ дѣло въ самомъ законѣ? За какою изъ указанныхъ школъ идетъ дѣйствующій уголовный кодексъ? На этотъ вопросъ трудно дать опредѣленный отвѣтъ, потому что законъ, собственно говоря, не примыкаетъ опредѣленно ни къ какой школѣ, а беретъ самое реакціонное изъ всего того, что преподносится. Необходимо замѣтить еще, что германское уголовное уложеніе находится уже въ довольно почтенномъ возрастѣ и создалось тогда (въ 1869—1870 гг.), когда школа Листа вовсе еще не существовала. Поэтому принципомъ, положеннымъ въ основу уголовнаго уложенія, является взглядъ на преступленіе, какъ на личную обиду, нанесенную верховной государственной власти во взглядахъ же на наказаніе здѣсь господствуетъ „теорія возмездія“. Весь кодексъ вообще проникнутъ той схоластически-догматической метафизикой, на которую мы указывали выше, какъ на основную черту современной буржуазной юриспруденціи. Не вдаваясь за недостаткомъ мѣста въ подробности, приведемъ два примѣра. Вотъ на какія категоріи подраздѣляетъ первый параграфъ Уложенія всѣ преступленія: „Такое дѣйствіе, которое наказывается смертью, каторжной тюрьмой или заключеніемъ въ

крѣпость срокомъ больше, чѣмъ на 5 лѣтъ, называется *преступленіемъ* (Verbrechen). Дѣйствія, наказуемыя заключеніемъ въ крѣпость до пяти лѣтъ или же тюрьмою или штрафомъ свыше 150 марокъ—суть *проступки* (Vergehen). Дѣйствія, караемыя арестомъ или штрафомъ до 150 марокъ суть *нарушенія* (Übertretung)". Итакъ, все схематизировано и систематизировано самымъ „научнымъ" образомъ. Но чѣмъ руководствовались авторы этой систематизаціи—остается неизвѣстнымъ, такъ же, какъ и то, зачѣмъ и кому нужна эта схема. Второй примѣръ еще болѣе яркій. Основнымъ признакомъ всякаго преступнаго дѣйствія является его преступность, или, говоря языкомъ закона—его „противозаконность" (Rechtswidrigkeit). Стало быть—если разсуждать не „юридически", а здраво—для того, чтобы преступленіе было полнымъ, оно должно заключать въ себѣ признакъ противозаконности, и отсюда слѣдуетъ, далѣе, что совершившій его лишь тогда подлежитъ наказанію, если зналъ о противозаконности своего поступка. Однако въ современномъ правѣ господствуетъ старый нелѣпый принципъ, согласно которому никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ. Германское уголовное уложеніе, конечно, усвоило этотъ принципъ. Поэтому въ законѣ нѣтъ и рѣчи о необходимости для преступника знать о „противозаконности" своихъ „преступныхъ" дѣйствій, какъ о предпосылкѣ несенія отвѣтственности за эти дѣйствія. А между тѣмъ, дѣло можетъ нерѣдко идти о такихъ „преступленіяхъ", о которыхъ непосвященный можетъ не имѣть понятія, что они составляютъ часть „позитивной" метафизики, то бишь права. Но этого мало: въ законѣ вообще нѣтъ общаго опредѣленія „противозаконности". Что такія упущенія—сознательныя, конечно,—и неясности тяжелѣе всего отражаются на представителяхъ неимущихъ классовъ, т.-е. наименѣе состоятельныхъ и наиболѣе безпомощныхъ въ юридическихъ вопросахъ, это ясно для каждаго. Для богатаго нѣмецкаго „бюргера" всѣ эти ухищренія и закорючки, созданныя вѣдь для его же блага, не страшны: каждый изъ этихъ бюргеровъ достаточно искушенъ въ кляузахъ и подвохахъ и вдобавокъ, всегда имѣетъ своего „Rechtsanwalt'a"—адвоката, къ которому можетъ обратиться во всякій моментъ и по

каждому поводу. Для пролетарія такая роскошь недоступна; знать же всѣ безчисленныя статьи всѣхъ уложеній, общеимперскихъ и мѣстныхъ, со всѣми комментаріями, примѣчаніями, дополненіями, измѣненіями—такая работа не по плечу, пожалуй, и большинству такъ наз. интеллигенціи *).

Такова въ общихъ чертахъ, такъ сказать, отвлеченная конструкція современнаго нѣмецкаго права (мы останавливались здѣсь преимущественно на уголовномъ правѣ, но само собою разумѣется, что въ гражданскомъ правѣ—этомъ буржуазномъ правѣ quand même, всѣ отрицательныя стороны буржуазной юстиціи выступаютъ еще рельефнѣе). Отсюда легко понять, что конкретизированное въ параграфахъ и статьяхъ, это право вполнѣ и безусловно приноровлено какъ разъ именно къ защитѣ господствующихъ классовъ вообще, интересамъ буржуазіи въ частности и преслѣдованію всякой радикальной—не говоря уже о революціонной—мысли и дѣла въ особенности. Объ этомъ, а также и о повседневной практикѣ права и его толкованіи судами—говоритъ докладъ Гаазе.

Намъ остается дополнить здѣсь этотъ докладъ перечисленіемъ тѣхъ статей уголовнаго права и процесса, которыя опущены въ докладѣ, но заслуживаютъ тѣмъ не менѣе вниманія, частью, какъ прямо направленныя противъ пролетаріата и его боевого авангарда—соціалъ-демократіи, частью, какъ показатели той реакціонной политики, которая больше всего характерна для современной Германіи.

Не имѣя возможности дать здѣсь исчерпывающую картину, остановимся на самомъ главномъ, на самыхъ выпуклыхъ уродствахъ уголовнаго права. Прежде всего обратимся къ категоріи такъ наз. „политическихъ“ преступленій.

Для всякаго, и юриста, и не юриста должно быть ясно, что въ современномъ конституціонно-классовомъ государствѣ, съ его безпощадной эксплоатаціей одного класса другимъ и вытекающей отсюда не менѣе безпощадной классовой борьбой,—что въ такомъ государ-

---

*) Объ элементѣ противозаконности въ германскомъ Угол. Улож., см. также докладъ Гаазе, стр.

ствѣ не должно было быть мѣста политическимъ преступленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, по существу политическое преступленіе есть не что иное какъ покушеніе—въ той или иной формѣ—на существующій въ данный моментъ общественный или политическій строй. За доказательствами ходить недалеко. Взять хотя бы, наприм., преступленіе противъ парламентаризма (воспрепятствованіе кому-либо въ использованіи избирательныхъ правъ, § 107 герм. угол. улож. и др.), которое теперь карается такъ же жестоко, какъ нѣкогда каралось всякое дѣяніе, направленное къ ускоренію введенія парламентскаго строя. Но разъ политическое преступленіе направлено противъ существующаго строя, то оно обязательно на дѣлѣ принимаетъ характеръ борьбы одного класса противъ другого, въ современномъ государствѣ—борьбы пролетаріата противъ буржуазіи и ея институтовъ. Карая же направленную противъ нее борьбу, буржуазія фактически разсматриваетъ своего противника, какъ плѣнника, а послѣдняго, какъ преступника, т.-е. другими словами, узурпировавши разъ власть, буржуазія не только не хочетъ выпустить ее изъ рукъ, но и самымъ грубымъ образомъ злоупотребляетъ ею.

Какія подчасъ формы принимаетъ это злоупотребленіе показываетъ слѣдующій перечень „политическихъ“ преступленій германскаго уголовнаго кодекса.

1) Пожизненнымъ заключеніемъ въ каторжную тюрьму или въ крѣпость наказывается всякій, кто *„предпринимаетъ“*: убійство или плѣненіе главы государства, насильственное измѣненіе конституціи и т. п. (§ 81 уг. ул.) Здѣсь заслуживаетъ вниманія не само караемое преступленіе, а степень его квалификаціи. Карается не только само дѣйствіе или даже покушеніе на него, а одно только „предпріятіе“. Послѣднее гораздо шире, чѣмъ покушеніе и по опредѣленію самого закона (§ 82): подъ нимъ слѣдуетъ понимать „всякое дѣйствіе, при посредствѣ котораго преступленіе можетъ быть осуществлено“. Другими словами, всякое *подготовленіе* къ перечисленнымъ въ § 81 дѣйствіямъ наказывается вѣчной каторгой *). Что

*) Такъ же толкуетъ, наприм., этотъ параграфъ и Рюдорфъ: Rüdorff, Anm. zu, § 82.

подъ „приготовленіемъ“ къ ниспроверженію конституціи можетъ подойти любая передовица соц.-дем. органа— ясно для всякаго.

2) Тюремнымъ заключеніемъ до 2-хъ лѣтъ наказывается всякій кто устно или письменно призываетъ къ неповиновенію „законамъ, или указамъ и циркулярамъ высшаго начальства (§ 110). Ниже, въ докладѣ Гаазе, читатель найдетъ и живые примѣры примѣненія этой мудрой юстиціи.

3) Тюремнымъ же заключеніемъ до 2-хъ лѣтъ наказывается и призывъ или подстрекательство лицъ, состоящихъ на военной службѣ, къ неповиновенію начальству (§ 112). Если мы вспомнимъ, что на военно-юридическомъ жаргонѣ подъ „начальствомъ“ понимается также и ефрейторъ, не говоря уже о фельдфебелѣ, если мы, дальше, узнаемъ, что въ Германіи солдаты не имѣютъ, напримѣръ, права читать „Vorwärts'a“,—то мы поймемъ, почему съѣзды германской соц.-дем. партіи систематически вотъ уже третій разъ безусловно отвергаютъ вносимое каждый разъ К. Либкнехтомъ предложеніе объ агитаціи въ войскахъ.

4) § 116 ополчается самымъ явнымъ образомъ противъ демонстрацій и митинговъ. Согласно этому §, подвергается тюремному заключенію до 3-хъ мѣсяцевъ всякій участникъ „уличнаго скопища“, который не „расходится“ послѣ троекратнаго предупрежденія.

5) Самымъ варварскимъ и ультра-реакціоннымъ плодомъ юридическаго творчества германской буржуазіи является § 128, карающій за принадлежность къ „тайному сообществу“. Позволю себѣ привести этотъ параграфъ цѣликомъ. „Участіе въ сообществѣ, — говорится тутъ,—существованіе, организація, или цѣль котораго держится въ тайнѣ, или въ которомъ дается обѣщаніе подчиненія не извѣстнымъ вождямъ, или безусловнаго подчиненія вождямъ извѣстнымъ, карается заключеніемъ въ тюрьму до 6-ти мѣсяцевъ. Основатели и руководители такого сообщества наказываются тюремнымъ заключеніемъ срокомъ отъ одного мѣсяца до одного года. Чиновники, участвующіе въ такомъ сообществѣ, могутъ быть лишены права поступленія на службу срокомъ отъ одного года до 5 лѣтъ“. Если мы оставимъ даже въ

сторонѣ іезуитски-казуистическую формулировку этого § („*безусловное* повиновеніе *извѣстнымъ* вождямъ и повиновеніе *неизвѣстнымъ*“ и т. д.), то мы все-таки придемъ къ заключенію, что между этой статьяй герман. угол. улож. и нашими россійскими правилами объ обществахъ и союзахъ существуетъ очень большое сходство. Значеніе этой статьи закона усугубляется еще слѣдующими двумя обстоятельствами: во-первыхъ, крайне реакціоннымъ германскимъ (въ частности прусскимъ) законодательствомъ объ обществахъ и союзахъ, во-вторыхъ, крайней расплывчатостью понятія „сообщества“. Судебная практика показала, что германскіе жрецы Ѳемиды сумѣли воспользоваться всѣмъ этимъ. Такъ, верховный имперскій судъ истолковалъ понятіе „сообщества“, какъ „всякое длительное организованное объединеніе“, подъ которое „подходитъ также и политическая партія“ (у насъ, наприм., нелегализированная) *), а въ знаменитомъ Кёнигсбергскомъ процессѣ прокуроръ требовалъ обвиненія подсудимыхъ по 128-му § на томъ основаніи, что всѣ они содѣйствовали каждый въ отдѣльности перевозкѣ нелегальной русской литературы, стало быть, составили тайную организацію...

Въ нѣкоторой связи съ „политическими“ преступленіями находится также и дѣяніе, предусмотрѣнное § 166, который караетъ за публичное поношеніе Бога, если это поношеніе вызываетъ въ комъ-нибудь чувство „раздраженія“ (Ärgerniss). Я потому причисляю эту статью угол. улож. къ категоріи политическихъ преступленій, что здѣсь законъ беретъ подъ защиту не всѣ существующія религіи, а только христіанскія, т.-е. опять-таки господствующія. Но самымъ интереснымъ для современной казуистической юриспруденціи является введеніе въ упомянутомъ § такого неподдающагося опредѣленію и „каучуковаго“, какъ выражаются нѣмцы, понятія, какъ „возбужденіе раздраженія“. Съ этимъ понятіемъ мы встрѣтимся еще въ преступленіяхъ противъ нравственности, гдѣ, въ сущности говоря, все базируетъ на этомъ „возбужденіи раздраженія“.

„Гвоздемъ“ германскаго уголовнаго уложенія, какъ и

*) Entscheidunge des Reichsgerichts. B. 24, S., 329, B. 13, S. 273.

всякаго современнаго законодательства, являются, разумѣется, преступленія противъ собственности. Если „политическія“ преступленія пугаютъ бюргера, какъ покушеніе на „надстройку“, то здѣсь, въ преступленіяхъ противъ собственности, рѣчь идетъ вѣдь о потрясеніи самого „базиса“. Нужды нѣтъ, что даже наиболѣе добросовѣстные изъ буржуазныхъ криминалистовъ и соціологовъ признаютъ неразрывную связь, существующую между капиталистическимъ строемъ и наличностью преступленій противъ собственности. Буржуазная Ѳемида караетъ самымъ безпощаднымъ образомъ всѣхъ, кого господствующій строй приводитъ на скамью подсудимыхъ. Такъ, въ германскомъ угол. улож. преступленіямъ противъ собственности посвящено цѣлыхъ 64 параграфа, т.-е. почти пятая часть (§§ 241—305). Здѣсь фигурируютъ самыя тягчайшія формы наказанія, заисключеніемъ только смертной казни. Приведу только два примѣра „мягкосердечія“, проявляемаго уголовнымъ кодексомъ по отношенію къ преступникамъ этой категоріи. § 243-ій наказываетъ каторжной тюрьмой до 10 лѣтъ за слѣдующіе виды кражи: кражу изъ церкви, кража со взломомъ или при помощи подобранныхъ ключей, дорожная кража и т. п.; § же 370-ый наказываетъ штрафомъ до 150-ти марокъ или арестомъ виновнаго въ томъ, что, присвоилъ для немедленнаго потребленія предметы пищи въ небольшомъ количествѣ и незначительной стоимости“. Чтобы вѣрнѣе по достоинству оцѣнить „мягкосердечіе“ закона по отношенію къ этимъ преступникамъ изъ низшихъ слоевъ населенія, посмотримъ, съ какой „суровостью“ законодатель относится къ лицамъ привиллегированныхъ сословій. За убійство противника на дуэли § 206-й приговариваетъ къ двумъ годамъ заключенія въ крѣпости (крѣпость считается въ Германіи, какъ и у насъ, почетной формой лишенія свободы). § 330-ый грозитъ тюремнымъ заключеніемъ безъ указанія срока (стало быть, мимимумъ... на 1 день *), „чиновника, который, злоупотребляя предоставленной ему властью, принуждаетъ кого-либо къ какому-нибудь дѣйствію, упущенію“ и т. под. Итакъ, за кражу съ лотка яблока или за похищеніе

*) § 16.

стараго хомута изъ замкнутаго сарая преступникъ можетъ угодить въ первомъ случаѣ на 6 недѣль ареста, во второмъ—на 10 лѣтъ каторги. Между тѣмъ убійца-дуэлянтъ или чиновникъ à la Абрамовъ могутъ отдѣлаться: первый двумя годами крѣпости, второй—1 днемъ тюремнаго заключенія. Какое громадное соціальное зло представляютъ собой дуэль и злоупотребленіе властью, и какъ ничтожны по сравненію съ этими поистинѣ „абсолютно“ преступными дѣяніями кражи съ лотка или даже кража со взломомъ,—объ этомъ, надо думать, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Одну изъ самыхъ любопытныхъ областей германскаго угол. улож. представляютъ собою, далѣе, такъ наз. преступленія противъ нравственности. Здѣсь, какъ солнце въ каплѣ воды, отражается во весь ростъ современный нѣмецкій буржуа, со всѣми его „качествами“. Развратный до мозга костей, безнравственный во всѣхъ смыслахъ, ханжа и лицемѣръ, этотъ почтенный бюргеръ считаетъ нужнымъ взять подъ опеку своего кодекса не только „домашній очагъ“, который онъ самъ же разрушаетъ, но и абстрактное „чувство стыдливости“. Такимъ образомъ, онъ подвергаетъ тюремному заключенію до шести мѣсяцевъ лицъ, продающихъ малолѣтнимъ „книги, рисунки и изображенія, въ которыхъ, хотя и не заключается ничего грязнаго (unzüchtig), но которыя оскорбляютъ чувство стыдливости (!)“ (§ 184a, пресловутый lex Heinze) *). Ближайшее опредѣленіе понятія „стыдливости“ предоставляется шуцманамъ (полицейскимъ) и сыщикамъ, (агентамъ такъ наз. криминальной полиціи), которые сплошь и рядомъ конфискуютъ, основываясь на законѣ, художественныя произведенія, прекрасно исполненные самыми талантливыми художниками Германіи №№ иллюстрированнаго журнала „Jugend“ и т. д. Еще

---

*) Lex Heinze—знаменитый надѣлавшій въ свое время много шума законопроектъ, внесенный нѣкіимъ Heinze въ зимнюю сессію 1898/00 гг. въ рейхстагъ, и требовавшій строгаго преслѣдованія „безнравственныхъ“ литературныхъ или художественныхъ произведеній, какъ, напр., изображеній голаго женскаго тѣла и т. п. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, рейхстагъ отклонилъ нѣкоторыя наиболѣе абсурдныя положенія этого закона, но значительная часть его все-таки вошла въ дѣйствующій кодексъ.

строже законъ поступаетъ съ тѣми, которые вызываютъ своими „нечистыми“ поступками въ комъ-либо „чувство раздраженія“: они присуждаются къ заключенію въ тюрьмѣ срокомъ до 2-хъ лѣтъ (§ 183); при этомъ, согласно разъясненію верховнаго имперскаго суда, для привлеченія къ отвѣтственности необходимо и достаточно, чтобы это „чувство раздраженія“ было вызвано въ одномъ лицѣ (Entsch. des Reichsger. B. II, S. 196). Всѣ эти строгія кары не мѣшаютъ, конечно, самому широкому процвѣтанію во всей Германіи и домовъ терпимости (легализованныхъ подъ названіемъ Variété и т. п.), и уличной проституціи и широко развитого института сутенерства— которыя, очевидно, не вызываютъ „чувства раздраженія“... Точно также не препятствуетъ глубокой развращенности бюргерскихъ мужей и женъ и суровый § 172-ой, наказывающій шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ лицо, виновное въ нарушеніи супружеской вѣрности, если его невѣрность послужила поводомъ къ разводу. Зато, благодаря этому параграфу, разводъ, и безъ того сопряженный по германскимъ законамъ съ большими затрудненіями *), затрудняется еще больше. Слѣдующая параллель показываетъ разницу въ отношеніи угол. улож. къ нарушителямъ нравственности изъ „привилегированныхъ“ классовъ и „низшихъ“, т.-е. пролетарскихъ слоевъ. § 218-ый грозитъ 5-лѣтней каторгой за вытравленіе плода, а § 179-ый угрожаетъ тѣмъ же наказаніемъ лицу, соблазнившему дѣвушку обѣщаніемъ жениться. Не говоря уже о несправедливости одинаковаго наказанія совлазнителя и сообласненной (потому что на практикѣ § 218-ый будетъ въ большинствѣ случаевъ имѣть дѣло именно съ сообласненными дѣвушками), практика показала, что § 179-ый примѣняется чрезвычайно рѣдко, между тѣмъ какъ § 218-ый фигурируетъ очень часто въ уголовныхъ процессахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы § 179-ый примѣнялся всякій разъ, когда есть налицо признаки предусматриваемаго имъ преступленія, то число лицъ, привлекаемыхъ по нему, должно было бы равняться въ среднемъ наличному количеству проститутокъ, т. к. непосред-

*) См., напримѣръ, Bürgerliches Gesetzbuch §§ 1565—1569. Имѣется русскій переводъ.

ственнымъ толчкомъ къ торговлѣ тѣломъ является въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ большею частью именно соблазнъ. На дѣлѣ такого равенства, конечно, не существуетъ.

Чтобы покончить съ уродливыми сторонами матеріальнаго уголовнаго права перечислю еще нѣкоторые параграфы угол. улож. Германскій уголовный кодексъ обнаруживаетъ, если можно такъ выразиться, крайне легкомысленное отношеніе къ вопросу о невмѣняемости, хотя современная психіатрія вполнѣ справедливо считаетъ психическій моментъ однимъ изъ самыхъ главныхъ непосредственныхъ факторовъ преступности. § 51-ый освобождаетъ отъ наказанія только такихъ лицъ, которыя дѣйствовали въ состояніи „полной безсознательности или болѣзненнаго разстройства умственныхъ способностей". Такимъ образомъ, моментъ невмѣняемости, представляющій собою величину перемѣнную, здѣсь возведенъ въ абсолютъ и чрезвычайно затрудняетъ его примѣненіе на практикѣ.—§ 60-ый *предоставляетъ* суду право, но отнюдь *не обязываетъ* его, засчитывать приговоренному къ тюремному заключенію время проведенное имъ въ тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ. § 41-ый предписываетъ въ случаѣ постановленія приговора о преступномъ содержаніи какой-нибудь книги или какого-нибудь изображенія, уничтожать какъ самую книгу или изображеніе, такъ и всѣ клише, стереотипы и т. д.—§§ 186 и 187, трактующіе объ оскорбленіи словами, формулированы такъ, что они содѣйствуютъ уклоненію отъ общественнаго суда различныхъ „угнетенныхъ невинностей" изъ привиллегированныхъ сословій.

Бросимъ бѣглый взоръ на процессуальное уголовное право. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми же основными чертами, которыя мы замѣчали и въ матеріальномъ правѣ: казуистичность, реакціонность и покровительство господствующимъ классамъ и существующему порядку. Въ интересахъ защиты этого порядка § 173 устава о судоустройствѣ (Gerichtsverfassungsgesetz) предоставляетъ суду право закрывать свои двери во всѣхъ дѣлахъ, когда публичность засѣданій угрожаетъ „общественному спокойствію, государственной безопасности или нравственности". Такъ какъ квалификація общественнаго спокойствія и

т. д. предоставлена суду же, то послѣдній можетъ, разумѣется, закрывать двери всякій разъ, когда это будетъ ему угодно, особенно въ процессахъ политическихъ. Далѣе, упомянутый уставъ крайне стѣсняетъ защиту. Судъ имѣетъ право штрафовать защитника сколько угодно разъ въ одномъ и томъ же процессѣ, каждый разъ на сумму до 100 марокъ (§ 180). Что такое то „неприличное поведеніе“, за которое штрафуется защитникъ на основаніи § 180-го—это испытали на себѣ неоднократно нѣмецкіе защитники—соціалъ-демократы: малѣйшая рѣзкость по адресу правительства, незначительное препирательство съ предсѣдателемъ ведетъ за собой окрикъ послѣдняго и примѣненіе § 180-го.

Отмѣтимъ нелишенную, такъ сказать, пикантности параллель въ обращеніи закона съ свидѣтелями. Въ то время, какъ простые смертные, имѣющіе несчастье очутиться въ роли свидѣтелей, подвергаются въ случаѣ неявки приводу или денежному взысканію (§ 50 угол. судопроизв.), министры, главноуправляющіе отдѣльными частями и нѣкоторыя другія „высокопоставленныя“ лица пользуются привиллегіей быть допрашиваемыми въ мѣстѣ своего служенія (§ 49 угол. судопроизв.). Нужно ли говорить, что германскій уставъ о судопроизводствѣ запрещаетъ свидѣтелямъ отказываться отъ показаній и—фактически—также отъ принятія присяги.

Наконецъ, самой слабой стороной германскаго судопроизводства надо считать тѣ положенія, которыя касаются обысковъ и выемокъ. Какъ извѣстно, эта часть процесса представляется самымъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ властей всего міра, такъ какъ здѣсь мы наталкиваемся на такую юридическую лазейку, которая можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, превратить въ пустой звукъ незыблимый принципъ конституціоннаго строя—неприкосновенность личности и жилища. Германское угол. судопроизводство гарантируетъ эту неприкосновенность въ очень слабой степени. Такъ, §§ 102—105 даютъ право прокуратурѣ, а въ экстренныхъ, неуказанныхъ точно въ законѣ, случаяхъ и полиціи производить обыски не только у подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія или участіи въ немъ, но и у другихъ, непричастныхъ къ преступленію лицъ. Правда, здѣсь упоминается и о такихъ

предпосылкахъ, какъ „опасность въ промедленіи“, наличность фактовъ, свидѣтельствующихъ о сокрытіи слѣдовъ преступленія и т. д. Но что значатъ подобныя „каучуковыя“ предпосылки для полиціи вообще и для прусской полиціи въ особенности?...

Что касается системы наказанія, то, не входя въ подробное разсмотрѣніе этой стороны германской юстиціи, укажу только, что во многихъ нѣмецкихъ тюрьмахъ (въ Пруссіи, Саксоніи, Гамбургѣ) еще до сихъ поръ примѣняются къ заключеннымъ въ видѣ дисциплинарной мѣры тѣлесныя наказанія.

Такова въ общихъ чертахъ современная германская уголовная юстиція въ ея основныхъ принципахъ и конкретныхъ выраженіяхъ. Если прибавить ко всему сказанному способъ примѣненія этихъ принциповъ нѣмецкими судами, какъ его рисуетъ докладъ Гаазе, то передъ нами встанетъ во весь ростъ картина классово-буржуазнаго и неприкрыто-реакціоннаго правосудія современной Германіи. Эта картина убѣждаетъ насъ, что въ современномъ классовомъ государствѣ, при господствѣ интересовъ незначительной кучки представителей капитала и покорно творящихъ его волю агентовъ правительства, отъ поэтическаго образа слѣпой Ѳемиды, безпристрастно взвѣшивающей на божественныхъ вѣсахъ поступки и преступленія людей и воздающей „коемуждо по заслугамъ его“, что отъ этого образа осталась одна только миѳическая оболочка. По мѣрѣ того, какъ капиталъ покрываетъ эти вѣсы все болѣе и болѣе густою массою золота, они теряютъ свою чувствительность и точность и начинаютъ склоняться все въ одну сторону...

Для насъ, русскихъ, примѣръ Германіи въ этомъ важномъ вопросѣ особенно поученъ. Мы слишкомъ долго пренебрегали, да и теперь еще пренебрегаемъ, въ критикѣ существующаго строя и господствующихъ институтовъ вопросами права. Мотивы такого пренебреженія, выставлявшіеся до сихъ поръ, нельзя назвать особенно убѣдительными. Указывали, что въ классовомъ государствѣ и правосудіе неизбѣжно должно быть классовымъ, т.-е. при теперешнемъ строѣ буржуазнымъ, поэтому нѣтъ

смысла вдаваться въ разборъ этого правосудія: нужно просто стремиться къ его полному упраздненію. Здѣсь, конечно, не мѣсто доказывать, что такая аргументація въ корнѣ невѣрна, что она идетъ въ разрѣзъ съ основными положеніями марксистскаго ученія, согласно которому можно и должно вести борьбу съ отрицательными сторонами капиталистическаго строя, оставаясь въ предѣлахъ даннаго строя. Можно однако понять пренебрежительное отношеніе къ оффиціальной юстиціи самодержавной Россіи: у насъ не было и нѣтъ еще пока вообще „права“, а есть только „усмотрѣніе“; критиковать же усмотрѣніе, т.-е. произволъ, анализировать его на составныя части и вообще оперировать съ нимъ—значило бы, дѣйствительно, заниматься толченіемъ воды въ ступѣ.

Теперь дѣло начинаетъ измѣняться. Наши департаментскіе „конституціоналисты“ рѣшили, по крайней мѣрѣ, для видимости облечь свое „усмотрѣніе“ въ форму законченныхъ юридическихъ системъ. Какъ извѣстно, они не нашли ничего лучшаго, какъ списывать слово въ слово всѣ параграфы всѣхъ кодексовъ у нѣмцевъ, они даже афишируютъ это, какъ доказательство ихъ вѣрности „незыблемымъ основамъ“. Мы видѣли, что и сами-то нѣмецкіе законы такъ прогнили и такъ реакціонны, что должны быть немедленно сданы въ архивъ. Докладъ Гаазе служитъ для насъ своего рода memento mori противъ слишкомъ пренебрежительнаго отношенія къ вопросамъ права вообще и въ частности къ „законодательному“ сочинительству „истинно-русско-нѣмецкихъ“ людей. Используемъ же опытъ Германіи и постараемся не допустить перенесенія къ намъ всего нѣмецкаго юридическаго хлама, чтобы не пришлось потомъ съ большими усиліями добиваться его обратнаго вынесенія по частямъ, какъ это приходится теперь дѣлать нашимъ товарищамъ въ Германіи.

Ал. Витинъ.

Докладъ Гаазе.

Тема моего доклада представляетъ собой такой глубокій интересъ, что ее слѣдовало бы развить какъ можно обстоятельнѣе. Къ сожалѣнію, мнѣ не позволяетъ этого дѣлать порядокъ дня партейтага, и это тѣмъ болѣе печально, что въ предложенной мною резолюціи *) принципіальная сторона вопроса развита слишкомъ кратко, и требовала бы поэтому болѣе детальныхъ разъясненій. Я считаю необходимымъ именно въ настоящій моментъ, когда идетъ пересмотръ уголовнаго уложенія, уголовнаго судопроизводства и карательнаго режима, выяснить нашу точку зрѣнія на всѣ эти вопросы и ясно и опредѣленно показать, что представляетъ изъ себя наше правосудіе. Нормы уголовнаго права не вѣчны, не неизмѣнны; онѣ мѣняются въ зависимости отъ времени и пространства. Даже такія преступленія, какъ кража и убійство, вплоть до убійства родителей, далеко не всегда считались наказуемыми. Такъ, въ Полинезіи насильственное умерщвленіе стариковъ не только не карается, но даже считается нравственнымъ; это объясняется тѣмъ, что, вслѣдствіе недостатка въ жизненныхъ средствахъ, прокормленіе неспособныхъ къ труду стариковъ сопряжено тамъ съ большими затрудненіями и, избавляя ихъ отъ медленной голодной смерти, убійца совершаетъ нравственный поступокъ. Извѣстно и то, что у спартанцевъ кража наказывалась только тогда, когда вора ловили на мѣстѣ преступленія. И здѣсь это вытекаетъ изъ соціальныхъ усло-

*) См. стр. 67.

вій, такъ какъ ловкость и хитрость считались у спартанцевъ лучшими добродѣтелями, въ то время какъ предметы сами по себѣ не представляли для нихъ значительной цѣнности. Напротивъ, у скиѳовъ кража каралась, какъ самое тяжкое преступленіе, потому что скиѳы были народомъ пастушескимъ, и потеря скота была для нихъ слишкомъ ощутительна. Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что содержаніе уголовныхъ законовъ опредѣляется существующими общественными условіями. Поэтому и уголовное право является результатомъ всей совокупности производственныхъ отношеній. Я отнюдь не намѣренъ заниматься здѣсь метафизическими спекуляціями относительно принципа, положеннаго въ основаніе уголовнаго права. Одно во всякомъ случаѣ ясно: наказаніе вытекаетъ изъ инстинкта самосохраненія. Всегда и всюду неизмѣнно карались такіе поступки, которые такъ или иначе угрожали существованію общества, какъ совмѣстному сожительству людей. Всѣмъ вамъ извѣстно, что въ современномъ классовомъ государствѣ господствующій классъ склоненъ отождествлять свои интересы съ интересами всего общества и считать ихъ поэтому нуждающимися въ особой защитѣ. Наши господствущіе классы разсматриваютъ существующій строй какъ строй, установленный самимъ Богомъ, какъ jus divinum, и считаютъ достойной наказанія малѣйшую попытку къ общественному перевороту. Въ противовѣсъ этимъ стремленіямъ, задерживающимъ развитіе прогресса и культуры, мы обязаны снова и снова напрягать всѣ свои силы къ устраненію всѣхъ тѣхъ уголовно-правовыхъ нормъ, которыя мѣшаютъ свободному выраженію мнѣній и не даютъ возможности угнетеннымъ классамъ бороться за улучшеніе своего положенія и полное развитіе всѣхъ своихъ силъ. Исходя изъ этого, мы требуемъ прежде всего отмѣны той статьи закона, которая караетъ за оскорбленіе величества [1]). Въ Англіи оскорбленіе величества вовсе не наказуется; однако никто не станетъ утверждать, что Англія не есть культурное государство или что англійское законодательство недостаточно охраняетъ интересы общества. У насъ статья, карающая за оскорбленіе величества, служитъ къ тому, чтобы не допускать никакой критики главы государства, ею пользуются и гнусные

доносчики, чтобы посадить изъ чувства личной мести на скамью подсудимыхъ какого-нибудь непріятнаго имъ человѣка, выразившаго въ интимномъ кругу какое-нибудь невинное политическое сужденіе. Мы должны требовать, далѣе, отмѣны параграфа, карающаго за возбужденіе массъ [2]). Одинъ консервативный депутатъ рейхстага въ защиту этого параграфа замѣтилъ, что онъ является, въ сущности говоря, настоящимъ „революціоннымъ“ параграфомъ. Въ дѣйствительности, товарищи, эта статья закона направлена исключительно къ тому, чтобы устранить всѣ нападки на существующій порядокъ вещей. На основаніи этого закона находятъ возможнымъ—и это практикуется уже долгіе годы—посадить на скамью подсудимыхъ и подвергнуть тяжкому наказанію всякаго, кто осмѣлится подвергнуть критикѣ существующія государственныя и соціальныя учрежденія. Намъ приходилось даже быть свидѣтелями того, какъ наказывались лица, которыя доказывали вредъ, приносимый крупнымъ землевладѣніемъ, и призывали къ напряженію всѣхъ силъ для борьбы съ всемогущими представителями этого крупнаго землевладѣнія. То же самое относится и къ той статьѣ уголовнаго уложенія, которая караетъ за возбужденіе противъ авторитета государственныхъ учрежденій [3]). Этотъ параграфъ неоднократно велъ къ тому, что на скамьѣ подсудимыхъ оказывались люди, которые осмѣливались критиковать существующія учрежденія. Правда, по точному смыслу названнаго параграфа требуется, чтобы обвиняемый, дѣйствительно, старался возбудить презрѣніе къ существующимъ учрежденіямъ путемъ *преднамѣреннаго* искаженія или измышленія фактовъ. Но современное правосудіе, когда подобную критику позволяетъ себѣ соціалъ-демократъ, *заранѣе принимаетъ* (презумируетъ) [4]), что въ высказанныхъ сужденіяхъ заключаются какіе-нибудь опредѣленные факты, и что эти сужденія были высказаны съ злостнымъ намѣреніемъ. Такимъ образомъ стираются всякія границы между изложеніемъ фактовъ и простой критикой. Такъ, напримѣръ, редакторъ „Лейпцигской народной газеты“ (Leipziger Volkszeitung) понесъ самое тяжкое наказаніе за то, что помѣстилъ въ газетѣ біографическій очеркъ нѣкоторыхъ прежнихъ членовъ саксонской королевской фамиліи. Путемъ своеобразнаго

толкованія закона судъ усмотрѣлъ въ этомъ очеркѣ оскорбленіе царствующаго дома, хотя обвиняемый рѣшительно отрицалъ это. Еще недавно тов. Раухъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности на основаніи статьи относительно „возбужденія противъ авторитета“ и т. д., при чемъ судъ усмотрѣлъ въ его критикѣ благотворительныхъ учрежденій предпринимателей, то-есть законодательства о защитѣ труда и страхованіи рабочихъ, преднамѣренное искаженіе фактовъ. Мы требуемъ, далѣе, отмѣны всѣхъ тѣхъ статей законовъ о союзахъ [5]) отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, которыя лишаютъ народъ возможности путемъ объединенія выражать свою волю. Мы требуемъ также отмѣны всѣхъ уголовно-правовыхъ нормъ, стѣсняющихъ свободу печати [6]). Мы требуемъ прочнаго обезпеченія права союзовъ, мы требуемъ, чтобы это право не дѣлалось призрачнымъ при помощи исключительныхъ законовъ. Параграфъ 153 Устава о промышленности является также средствомъ, чтобы помѣшать рабочему классу бороться за улучшеніе своего положенія. Мы требуемъ, конечно, также отмѣны исключительныхъ законовъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, лишающихъ сельскихъ рабочихъ права участвовать въ союзахъ, а равно и всѣхъ другихъ изданныхъ въ этомъ духѣ законовъ. Господствующіе классы видятъ въ стремленіи рабочаго класса къ улучшенію своего положенія прямую угрозу ихъ классовымъ интересамъ и тѣмъ упорнѣе настаиваютъ на сохраненіи всѣхъ законодательныхъ ограниченій. Поэтому рабочій классъ долженъ употребить все свое вліяніе, чтобы добиться удовлетворенія, по крайней мѣрѣ, части своихъ требованій. Нормы уголовнаго права, вообще говоря, обладаютъ свойствомъ сохраняться и тогда, когда уже давно измѣнились тѣ общественныя условія, которыя вызвали ихъ къ жизни:

„Передаются по наслѣдству,
Какъ вѣчная болѣзнь,
И право и законъ“.
(Es erben sich Gesetz und Rechte
Wie eine ew'ge Krankheit fort.)

Поэтому для народныхъ массъ и разумъ, и безуміе, и добродѣтель превращаются въ сплошную муку. Чѣмъ бо-

лѣе растетъ вліяніе рабочаго класса, чѣмъ большій кругъ лицъ сживается, поэтому, съ новымъ міромъ идей и чувствъ, тѣмъ рѣзче ощущается противорѣчіе между существующими уголовно-правовыми нормами и мышленіемъ и чувствованіемъ широкихъ массъ. Современное правосудіе, какъ органъ господствующихъ классовъ, ставитъ себѣ задачею охрану существующаго государственнаго и общественнаго строя. И это вполнѣ понятно въ классовомъ государствѣ. О томъ, какъ правосудіе понимаетъ и выполняетъ эту задачу, свидѣтельствуютъ слѣдующія беззастѣнчивыя сужденія бывшаго члена верховнаго имперскаго суда, Миттельштета, который хотя и былъ заядлымъ реакціонеромъ, тѣмъ не менѣе испытывалъ отъ времени до времени необходимость подѣлиться своимъ юридическимъ опытомъ. Вотъ какъ онъ говоритъ относительно примѣненія параграфа о „грубомъ безчинствѣ“ [7]), который въ прежніе годы постоянно примѣнялся къ соціалъ-демократамъ, когда оказывались недостаточными остальныя уголовно-правовыя нормы: „Такъ какъ со злодѣевъ соціалъ-демократовъ снята теперь смирительная рубаха (Zwangsjacke) драконовскихъ исключительныхъ законовъ, то дѣйствующее право должно придти на помощь для желательнаго обузданія ихъ. Но такъ какъ наше уголовное уложеніе не приноровлено спеціально къ тому, чтобы служить оружіемъ противъ соціалъ-демократіи, то нужно превратить его въ это оружіе путемъ тонкаго и изящнаго толкованія дѣйствующихъ нормъ, то распространяя значеніе этихъ нормъ, то ограничивая ихъ. Пока мы, защитники существующаго строя, еще имѣемъ въ своихъ рукахъ судебную власть, мы должны постараться, прежде чѣмъ вспыхнетъ соціальная революція, использовать эту власть въ борьбѣ съ нашимъ смертельнымъ врагомъ. Такъ думаютъ и чувствуютъ самые сознательные и честные умы среди нѣмецкаго судебнаго сословія и за ними волей-неволей слѣдуютъ и всѣ остальные“. Товарищи! Если бы какой-либо соціалъ-демократъ вздумалъ утверждать что-нибудь подобное о нѣмецкихъ судьяхъ,—сколько лѣтъ тюремнаго заключенія получилъ бы онъ за оскорбленіе судебнаго сословія? (Совершенно вѣрно!) Напомнимъ, что въ Германіи соціалъ-демократы часто подвергаются наказанію за одно только заявленіе

о существованіи у насъ классоваго правосудія, при чемъ за такое заявленіе, въ которомъ отнюдь не заключается упрека судьямъ въ лицепріятіи, а констатируется лишь, что и судья, какъ и всякій смертный, не можетъ вылѣзть изъ своей шкуры, что, принадлежа къ опредѣленному классу общества, онъ не можетъ толковать законы не въ духѣ своихъ классовыхъ интересовъ. (Совершенно вѣрно!) Такъ, недавно тов. Зегеръ въ Лейпцигѣ былъ присужденъ къ 3-мѣсячному тюремному заключенію за то, что назвалъ актомъ классоваго правосудія приговоръ суда, коимъ былъ оправданъ одинъ инспекторъ, убившій, по обычаю послѣдняго времени, одного рабочаго изъ восточной Пруссіи. (Слушайте! слушайте!)

Мы можемъ привести вѣскія доказательства того, что правительство все болѣе и болѣе укрѣпляется въ намѣреніи примѣнять къ соціалъ-демократамъ законы гораздо строже, чѣмъ къ другимъ гражданамъ. Передъ нами дневникъ бывшаго министра Боссе, въ которомъ описывается засѣданіе совѣта министровъ, происходившее наканунѣ изданія закона противъ соціалистовъ [8]). Въ этомъ засѣданіи намѣчались члены будущей судебной коллегіи для разсмотрѣнія жалобъ по примѣненію новаго закона. И вотъ Бисмаркъ заявилъ, что онъ считаетъ многихъ членовъ оберъ-трибунала не вполнѣ благонадежными въ политическомъ отношеніи. Тогда прусскій министръ юстиціи предложилъ другого члена оберъ-трибунала и, воспользовавшись случаемъ, заявилъ—по мнѣнію Боссе въ довольно неудачной и нетактичной формѣ,—что онъ увѣренъ въ благонадежности всѣхъ прусскихъ судей. Характерно при этомъ то, что при выборѣ членовъ суда руководствуются прежде всего ихъ политической благонадежностью, и еще болѣе характерно, что всѣ они, по мнѣнію прусскаго министра, благонадежны. Бисмаркъ возразилъ, что онъ не раздѣляетъ увѣренности министра. „Конечно,—сказалъ онъ,—если бы всѣ прусскіе юристы были таковы, какъ прокуроръ Тессендорфъ, то мы могли бы быть довольны“. (Слушайте! слушайте!) Я думаю, что въ общемъ министръ юстиціи обладалъ гораздо болѣе вѣрными свѣдѣніями о психологіи прусскихъ судей, чѣмъ Бисмаркъ. И послѣ того какъ самъ прусскій министръ выдалъ всѣмъ судьямъ свидѣтельство о благона-

дежности, послѣ этого насъ смѣютъ увѣрять въ томъ, что эти судьи, въ тотъ моментъ, когда они съ высоты своихъ креселъ творятъ правосудіе, могутъ совершенно освободиться отъ своихъ политическихъ воззрѣній и отвлечься отъ соціальныхъ ощущеній и политическихъ вліяній своего класса! Намъ всѣмъ еще памятны слѣдующія слова позднѣйшаго министра Шенштедта, сказанны яимъ въ его программной рѣчи: „Si duo faciunt idem, non est idem“—если два человѣка дѣлаютъ одно и то же, то получается все-таки не одно и то же. Нынѣшній же прусскій министръ юстиціи не нашелъ лучшей темы для своей первой рѣчи въ парламентѣ, какъ заявленіе о томъ, что онъ считаетъ главной задачей правосудія возможно болѣе строгое примѣненіе къ соціалъ-демократамъ дѣйствующихъ законовъ. Въ этомъ заявленіи мы видимъ какъ разъ то самое „двойное измѣреніе“, о которомъ говорилъ Шенштедтъ. По существу судья обязанъ относиться совершенно одинаково ко всѣмъ подсудимымъ, независимо отъ принадлежности ихъ къ той или иной партіи; онъ долженъ войти въ разсмотрѣніе даннаго состава преступленія и въ зависимости отъ тяжести послѣдняго назначать болѣе или менѣе строгое наказаніе. (Совершенно вѣрно!) Однако приведенныя слова министра не позволяютъ прокурору считаться со смягчающими вину обстоятельствами, когда передъ нимъ обвиняемый соціалъ-демократъ. Нынѣшній министръ смотритъ на свою задачу еще шире. Такъ, онъ однажды пригласилъ къ себѣ знаменитаго профессора-цивилиста Гирке и заставилъ его прочитать въ присутствіи императора докладъ о современномъ состояніи юстиціи. По этому случаю Гирке не преминулъ ополчиться противъ соціалъ-демократіи. При этомъ онъ особенно подчеркнулъ, что нѣмецкая юстиція не должна смущаться все чаще и чаще раздающимися по ея адресу упреками въ классовомъ правосудіи. Если въ присутствіи прусскаго министра юстиціи и германскаго императора господствующая юстиція берется подъ такую защиту, если передъ лицомъ всего судебнаго міра, передъ лицомъ всей прокуратуры и всего судебнаго вѣдомства дѣлается заявленіе, что упреки въ классовомъ правосудіи несправедливы, что судъ долженъ продолжать дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, то это не можетъ

остаться безъ вліянія на все современное правосудіе. (Совершенно вѣрно!)

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ, въ Германіи, дѣйствуетъ классовое правосудіе, что оно проявляется въ такихъ формахъ, которыя вызываютъ возмущеніе все въ болѣе и болѣе широкихъ массахъ и даже въ буржуазныхъ кругахъ. Я и думалъ сначала привести вамъ цѣлый рядъ наиболѣе характерныхъ случаевъ изъ того огромнаго матеріала, который находится въ моемъ распоряженіи. При этомъ я, разумѣется, сознавалъ, что сколько бы я ни приводилъ случаевъ, большинство находящихся въ этой залѣ товарищей смогли бы сказать: „Передъ нашими глазами прошло не мало подобныхъ злоупотребленій, однако референтъ о нихъ ничего не упоминаетъ“. По мѣрѣ того, какъ обостряются классовыя противорѣчія, какъ разгораются политическія страсти,— растетъ число вопіющихъ по своей несправедливости судебныхъ приговоровъ. Мы понимаемъ, что судья не можетъ не быть проникнутымъ воззрѣніями и чувствами своего класса, но мы энергично протестуемъ противъ того, что судебное вѣдомство не только не сдерживаетъ политическихъ страстей судей, но дѣлаетъ все для того, чтобы еще сильнѣе разогрѣть ихъ. (Совершенно вѣрно!)

У насъ дѣло правосудія принимаетъ постепенно такой характеръ, что становится невозможнымъ пользоваться свободой союзовъ, не вступая въ конфликтъ съ уголовнымъ уложеніемъ. Напомню только о многочисленныхъ обвинительныхъ приговорахъ за вымогательство [9]). (Слушайте! слушайте!) Такъ, напримѣръ, недавно въ Лейпцигѣ за это преступленіе былъ осужденъ одинъ членъ правленія союза каменщиковъ. Каковъ же былъ въ данномъ случаѣ составъ преступленія? Обвиняемый въ переговорахъ съ однимъ предпринимателемъ, между прочимъ, сказалъ, что если онъ не отмѣнитъ принятыхъ имъ мѣръ противъ рабочихъ, то послѣдніе принуждены будутъ принять свои мѣры. (Слушайте! слушайте!) Далѣе, нѣсколько кровельщиковъ были привлечены къ отвѣтственности за покушеніе на вымогательство, за то, что они угрожали работодателю пріостановкой работъ, если онъ не уволитъ рабочаго, члена такъ называемой христіанской организа-

ціи *), не пожелавшаго примкнуть къ центральному союзу кровельщиковъ. (Слушайте! слушайте!)

Почему же не поступаютъ такимъ же образомъ по отношенію къ предпринимателямъ? Развѣ не такова же повседневная практика союзовъ предпринимателей? Послѣдніе требуютъ отъ всѣхъ предпринимателей, чтобы они вступали въ союзъ, и если тѣ не соглашаются, то пускаютъ въ ходъ угрозы, отказываясь доставлять матеріалъ не-членамъ союза, объявляя ихъ подъ бойкотомъ и причиняя имъ вообще всевозможные убытки. (Совершенно вѣрно!)

Однако было ли хоть разъ, чтобы предприниматели привлекались къ отвѣтственности? Какъ часто предприниматели предъявляютъ къ рабочимъ требованіе, чтобы они выступили изъ своихъ организацій и примкнули къ какой-нибудь христіанской организаціи. Какъ часто угрожаютъ они имъ за ослушаніе массовыми увольненіями! Гдѣ бываютъ тогда прокуроры, обязанные привлекать предпринимателей къ отвѣтственности? Во время бреславльскаго процесса [10]) еще разъ было констатировано, что предприниматели самымъ явнымъ образомъ нарушили параграфъ 153-й. Тѣмъ не менѣе посадить ихъ на скамью подсудимыхъ не удалось; напрасны были обращенія къ прокурору, напрасны жалобы оберъ-прокурору. Такимъ образомъ рабочіе видятъ, что даже законъ, направленный одинаково какъ противъ нихъ, такъ и противъ предпринимателей, примѣняется только къ нимъ. Въ ихъ жилахъ должна была бы течь рыбья кровь, если бы даже послѣ этого они не протестовали самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ современнаго правосудія. Когда я недавно, въ разговорѣ съ однимъ прокуроромъ,—это былъ умный прокуроръ,—указалъ ему на это вопіющее противорѣчіе въ судебной практикѣ, то онъ мнѣ отвѣтилъ: „Э, чего вы хотите? Вѣдь параграфъ 153-й [11]) цѣликомъ направленъ противъ рабочихъ!“ (Слушайте! слушайте!)

---

*) Подъ „христіанской организаціей“ здѣсь подразумѣваются католическіе профессіональные союзы; число членовъ этихъ, „христіанскихъ союзовъ“ доходитъ въ Германіи до 200 тыс. Понятно, что германская рабочая партія не можетъ мириться съ существованіемъ такихъ союзовъ, ведущихъ къ затемненію классоваго самосознанія рабочихъ и отвлеченію ихъ отъ соціализма. *Ал. В.*

Съ точки зрѣнія рабочаго класса этотъ прокуроръ довольно вѣрно обрисовалъ положеніе вещей. (Совершенно вѣрно!) Но если даже въ дѣяніи предпринимателя налицо всѣ признаки состава преступленія, такъ что прокуроръ не можетъ не дать дѣлу законнаго хода, то выдвигается слѣдующій аргументъ (пущенный между прочимъ въ ходъ въ бреславльскомъ процессѣ): у предпринимателя не было-де „противозаконныхъ намѣреній“ *). (Оживленіе.) Пусть бы хоть разъ попробовали отрицать наличность противозаконныхъ намѣреній у обвиняемыхъ рабочихъ! Нѣтъ, этого никогда не случается; простой рабочій, прошедшій одну только народную школу, обязанъ знать всѣ законы, въ то время какъ предприниматель, получившій высшее образованіе, можетъ не имѣть о нихъ никакого понятія. (Очень хорошо!) Не удивительно послѣ этого, что въ широкихъ кругахъ все болѣе и болѣе прививается мысль, которую Шекспиръ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Позолоти свои грѣхи—и опускается безсильно Ѳемиды тяжкій мечъ;
Одѣнь въ лохмотья ихъ—картонное копье ихъ можетъ поразить“.

Въ нашей государственной жизни совершенно особое мѣсто занимаютъ такъ называемые „полезные элементы“. Основываясь на параграфѣ 153, наши суды толкуютъ понятіе о чести гораздо шире, чѣмъ это предусмотрѣно даже параграфомъ о клеветѣ. Пусть, однако, ухитрится кто-нибудь поговорить со штрейкбрехеромъ, не задѣвая его чести! Достаточно сказать такому штрейкбрехеру: „Перейди къ намъ! Какъ не стыдно тебѣ работать, когда твои товарищи ведутъ борьбу!“—достаточно сказать это, чтобы въ результатѣ явился обвинительный приговоръ, на основаніи 153-го параграфа. Въ Бреславлѣ былъ даже такой случай, что когда кто-то крикнулъ: „да здравствуетъ католическій рабочій союзъ!“ то противъ него было возбуждено обвиненіе въ оскорбленіи организованныхъ въ этомъ союзѣ штрейкбрехеровъ, только потому, что этотъ возгласъ сопровождался иронической улыбкой. (Оживленіе.) Да, наши суды уже не разъ усматривали

*) См. предисловіе.

оскорбленіе чести въ улыбкѣ по адресу штрейкбрехеровъ! Такое же оскорбленіе усматривается въ простомъ заявленіи: „Стыдно работать въ то время, какъ товарищи борются за свое существованіе“. Чувство чести сдѣлалось у нашихъ штрейкбрехеровъ такимъ тонкимъ, такимъ изысканнымъ, что достаточно малѣйшаго дуновенія вѣтерка, особенно если оно вѣетъ со стороны бастующихъ, чтобы это чувство было задѣто. Благодаря всему этому, эти „полезные элементы“ начинаютъ все болѣе и болѣе заноситься, начинаютъ все больше и больше позволять себѣ, начинаютъ воображать, что они занимаютъ какое-то привиллегированное положеніе по отношенію къ стачечникамъ. Яркимъ доказательствомъ этого служатъ слѣдующіе факты, имѣвшіе мѣсто въ Нюренбергѣ, Берлинѣ и Магдебургѣ. Въ Нюрнбергѣ одинъ такой штрейкбрехеръ убилъ стачечника и спустя нѣсколько часовъ послѣ этого уже снова разгуливалъ на свободѣ. (Слушайте! слушайте!) Точно такой же случай былъ и въ Берлинѣ. Въ Магдебургѣ же произошелъ слѣдующій инцидентъ: во время забастовки извозчиковъ какой-то штрейкбрехеръ застрѣлилъ безъ всякой причины одного изъ стачечниковъ. Онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности, прокуроръ требовалъ 4-мѣсячнаго тюремнаго заключенія, но судъ оправдалъ его. Мотивировка этого приговора была такая: возможно, что штрейкбрехеръ дѣйствовалъ въ состояніи необходимой самообороны, такъ какъ можетъ быть оставшіяся неизвѣстными лица бросали въ него камнями... (Движеніе.) Былъ ли хоть одинъ случай, когда судъ отнесся бы такъ же къ рабочему, не пользующемуся покровительствомъ начальства?! Былъ ли оправданъ хоть одинъ рабочій, утверждавшій, что онъ дѣйствовалъ въ состояніи самообороны, такъ какъ ему показалось, что на него нападаютъ. (Очень хорошо!) Едва ли найдется хоть одинъ рабочій, на долю котораго выпало бы такое счастье. Такимъ образомъ ясно, что воззрѣнія судей обусловливаются ихъ классовыми интересами. У суда заранѣе и помимо его воли создается совершенно иное отношеніе къ штрейкбрехеру, чѣмъ къ стачечникамъ. Въ головахъ судей прочно засѣла мысль, высказанная Путкамеромъ, что въ каждой стачкѣ скрывается гидра революціи. (Совершенно вѣрно!)

Можетъ ли такъ продолжаться дальше? Можетъ ли рабочій классъ терпѣть изо дня въ день такое глумленіе надъ его правосознаніемъ? Можетъ ли онъ допустить такое положеніе вещей, при которомъ однимъ гарантируется защита закона, другіе же подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ. Ему не остается ничего другого, какъ разоблачать передъ широкими массами это двойное судебное мѣрило. Упомянутый выше бреславльскій процессъ вызвалъ осужденіе даже въ одной буржуазной газетѣ, обычно не отличающейся своимъ радикализмомъ. По мнѣнію газеты, этотъ процессъ увѣнчиваетъ собою все тенденціозное правосудіе Германіи. (Слушайте! слушайте!) Да иначе и быть не можетъ. Такіе процессы непремѣнно будутъ тенденціозными, разъ министры юстиціи предъявляютъ къ суду тѣ требованія, которыя были приведены выше. Вся наша юстиція находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ правосознаніемъ громаднаго большинства населенія. Въ этомъ виновато также наше уголовное уложеніе, многія статьи котораго отличаются растяжимостью и неясностью формулировки. Поэтому партія обязана позаботиться о томъ, чтобы въ новомъ уголовномъ уложеніи всѣ понятія были строго формулированы. Конечно, это еще не большая гарантія, но мы не можемъ отказаться и отъ нея. Въ настоящее время то, что продѣлываетъ судъ, пользуясь дѣйствующимъ уголовнымъ уложеніемъ, въ еще большей степени продѣлываетъ полиція при помощи своего собственнаго уголовно-полицейскаго кодекса.

Въ послѣднее время параграфъ о грубомъ безчинствѣ сталъ примѣняться очень рѣдко; но власти ухитряются достигать такихъ же или даже еще большихъ результатовъ при помощи другихъ параграфовъ. Такъ, напримѣръ, благодаря различнымъ полицейскимъ правиламъ и мѣстнымъ законамъ—уличныя дежурства на стачечныхъ постахъ [12]), оффиціально признанныхъ въ дѣлѣ Молькенбура верховнымъ имперскимъ судомъ,—фактически перестаютъ допускаться. Полицейскимъ чиновникамъ вмѣняется въ обязанность заботиться объ общественномъ спокойствіи и слѣдить за порядкомъ на улицѣ, и въ виду того, что публика обязана безпрекословно имъ подчиняться,—на дѣлѣ выходитъ, что рабочіе ли-

шены возможности стоять на постахъ. Но удивительно, что всегда порядокъ нарушается только на такихъ улицахъ, гдѣ находятся бастующія фабрики, и только тѣми лицами, которыя участвуютъ въ стачкѣ. Раньше, по крайней мѣрѣ, существовала возможность, въ случаѣ проявленія грубаго произвола—переносить дѣло въ судъ. Но это стало невозможнымъ послѣ того, какъ прусская палата, въ качествѣ высшей инстанціи, разъяснила, что судъ не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе необходимости и цѣлесообразности полицейскихъ распоряженій. Такимъ образомъ, всякое полицейское правило, даже самое безсмысленное и ненужное, должно безпрекословно исполняться обывателемъ, который въ случаѣ неповиновенія подвергается наказанію. Установившаяся на этотъ счетъ судебная практика такова, что даже прусскіе судьи покачиваютъ головой и спрашиваютъ себя: „куда это можетъ завести?“ Рабочіе видятъ, что они явно лишаются своихъ законныхъ правъ, что въ то время, какъ предприниматель пользуется усиленнымъ покровительствомъ, рабочіе преслѣдуются на каждомъ шагу, и имъ не позволяется даже свободно ходить по улицамъ наравнѣ съ другими обывателями. Все это не можетъ не раздражать ихъ.

Въ одномъ процессѣ о „стачечныхъ постахъ“, происходившемъ в Кельнѣ, окружный судъ вынесъ обвиняемому оправдательный приговоръ. Судебная палата отмѣнила этотъ приговоръ со слѣдующей мотивировкой, имѣющей для насъ громадную цѣнность: „Согласно показаніямъ полицейскаго чиновника, стачечные посты нисколько не стѣсняли публику и не препятствовали уличному движенію, такъ какъ они были расположены на очень широкой Венлоэрштрассе. Основываясь на этихъ данныхъ, судебная палата нисколько не сомнѣвается въ томъ, что полицейскій чиновникъ не имѣлъ въ данномъ случаѣ никакихъ основаній запрещать оставаться на улицѣ. Далѣе, судъ признаетъ, что подобное поведеніе полиціи лишаетъ рабочихъ ихъ законныхъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ какой-нибудь анонимный доносъ (кельнскій президентъ полиціи, основываясь на анонимномъ сообщеніи, предписалъ полицейскому комиссару возбудить дѣло), какое-нибудь сообщеніе о томъ, что

два или три лица были опрошены стачечниками относительно ихъ занятій, разъ такихъ ничтожныхъ поводовъ достаточно для того, чтобы полиція приняла мѣры противъ стачечныхъ постовъ, то фактически она при всякихъ стачкахъ будетъ имѣть возможность совершенно упразднять ихъ. Въ данномъ случаѣ не было никакихъ основаній опасаться какихъ-либо столкновеній, такъ какъ дѣло шло о рабочихъ, болѣе или менѣе сознательныхъ, спокойныхъ и не склонныхъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Стало быть, полиція не имѣла достаточныхъ основаній запрещать стачечные посты, хотя и дѣйствовала, можетъ быть, въ данномъ случаѣ, повинуясь долгу службы. Всѣ эти соображенія должны были бы повести и, несомнѣнно, повели бы къ оправданію подсудимаго, если бы мы не были связаны цѣлымъ рядомъ рѣшеній верховнаго суда, запрещающихъ входить въ разсмотрѣніе цѣлесообразности и необходимости подобныхъ полицейскихъ мѣръ“ (Рѣшенія судебной палаты отъ 23 сентября 1899 г. и 28 сентября 1903 г.). Итакъ, окружный судъ призналъ, что стоявшіе на постахъ вели себя на улицѣ вполнѣ благопристойно и нисколько не стѣсняли уличнаго движенія, такъ какъ улица была достаточно широка. И, несмотря на то, что судъ призналъ это, палата вынесла подсудимымъ обвинительный приговоръ только потому, что полицейскій, по его словамъ, запретилъ стачечные посты въ интересахъ общественной тишины и спокойствія. Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какая буря поднялась бы, если бы какой-нибудь полицейскій вздумалъ поступить съ предпринимателями, собравшимися на улицѣ для обсужденія вопроса о массовыхъ увольненіяхъ рабочихъ, такъ, какъ было поступлено въ данномъ случаѣ по отношенію къ „стачечнымъ постамъ“. Тогда пошли бы разговоры о полицейскомъ произволѣ и бюрократизмѣ. У насъ въ настоящее время дѣло обстоитъ такъ, что рабочій, куда бы онъ ни повернулся—непремѣнно попадетъ въ тенета закона. Положимъ, рабочіе заявляютъ, что въ случаѣ неудовлетворенія ихъ требованій они прекращаютъ работу,—къ нимъ предъявляется обвиненіе въ покушеніи на вымогательство. Если стачка уже началась, и рабочіе мирно расхаживаютъ по улицамъ, стараясь, путемъ мир-

ной агитаціи, воздѣйствовать на работающихъ товарищей и привлечь ихъ на свою сторону,—они снова подвергаются наказанію, на этотъ разъ по обвиненію въ „возбужденіи“. Если же стачечникъ отправляется на домъ къ штрейкбрехеру, пытаясь мирными уговорами добиться его присоединенія къ стачкѣ,—то онъ подвергается наказанію за „нарушеніе домашняго очага“ [13]), причемъ домохозяевамъ, сдающимъ квартиры штрейхбрехерамъ, рекомендуется запрещать стачечникамъ переступать порогъ ихъ дома. Если тѣмъ не менѣе послѣ сказаннаго находятся люди, въ частности судьи, которые увѣряютъ, что современное правосудіе правильно распредѣляетъ свѣтъ и тѣни между рабочими и предпринимателями, то это свидѣтельствуетъ только объ ихъ поразительномъ незнаніи фактическаго положенія дѣлъ. И при теперешнемъ нашемъ судоустройствѣ нѣтъ никакой надежды на возможность измѣненія въ этой практикѣ, ибо наши законы о судоустройствѣ проникнуты интересами господствующихъ классовъ [14]). Наше правосудіе отправляется не такими судьями, которые избраны народомъ и облечены его довѣріемъ и которые были бы способны понять и почувствовать общую связь между каждымъ отдѣльнымъ преступленіемъ и всей совокупностью жизни; наши судьи назначаются классовымъ государствомъ и его правительствомъ и, какъ особая бюрократическая каста, обособляются отъ остального народа. Поэтому, мы и являемся свидѣтелями того, что у нашихъ ученыхъ судей отсутствуетъ всякое пониманіе народа. Вотъ почему соціалъ-демократическая партія должна неустанно требовать, чтобы наши судьи избирались народомъ всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, само собой разумѣется, безъ различія пола. Мы особенно настаиваемъ на этомъ послѣднемъ; ибо чрезвычайно прискорбно, что женщины не могутъ участвовать въ качествѣ судей въ очень многихъ процессахъ, гдѣ фигурируютъ малолѣтніе преступники, а также въ процессахъ о нанарушеніи нравственности. Дѣйствительно, въ очень многихъ случахъ женщины въ состояніи несравненно лучше, чѣмъ мужчины, понять мотивы преступленія. Товарищи! Наша бюрократія стремится все больше и больше къ укрѣпленію своей власти. Вамъ всѣмъ хорошо извѣстно,

какъ ревниво оберегаютъ наши судьи свое достоинство отъ какихъ-либо покушеній на него. И, напротивъ, правовыя гарантіи подсудимыхъ урѣзаны до послѣдней степени. Поэтому, наша прямая обязанность позаботиться о томъ, чтобы подсудимые пользовались бо́льшей свободой, и чтобы имъ были обезпечены бо́льшія правовыя гарантіи. И, прежде всего, мы должны бороться противъ сохраненія остатковъ инквизиціоннаго процесса, противъ того, чтобы предварительное слѣдствіе велось втайнѣ, чтобы подсудимый былъ лишенъ возможности знакомиться съ ходомъ дѣла, чтобы опросъ экспертовъ производился въ его отсутствіе. Въ настоящее время подсудимый оказывается лицомъ къ лицу съ правосудіемъ только по окончаніи предварительнаго слѣдствія. Мы, прежде всего, должны добиваться измѣненія статей закона, регулирующихъ подслѣдственное заключеніе. Дѣйствующее уголовное производство позволяетъ подвергнуть обвиняемаго предварительному заключенію, если имѣются вѣскія основанія подозрѣвать, что обвиняемый будетъ стараться скрыть слѣды преступленія или будетъ пытаться склонить свидѣтелей къ дачѣ ложныхъ показаній. Въ Англіи и въ Америкѣ не имѣютъ понятія о подобной формѣ ареста въ цѣляхъ пресѣченія, но ни одинъ человѣкъ не станетъ утверждать, что отъ этого страдаетъ какимъ-либо образомъ тамошняя юстиція. Всѣ видные германскіе и австрійскіе юристы высказываются противъ предварительнаго заключенія, усматривая въ немъ простой пережитокъ варварства. Дѣйствительно, совершенно нелѣпо подвергать обвиняемаго тюремному заключенію только потому, что его можно заподозрѣть въ желаніи устранить данныя, отягчающія его вину. Именно подобное заключеніе, какъ мѣра пресѣченія, и ставитъ судебнаго слѣдователя въ необходимость пытаться вынуждать признаніе у обвиняемаго. Кому изъ васъ приходилось подвергаться предварительному заключенію, тотъ знаетъ, что отъ времени до времени подсудимому приходится выслушивать отъ прокурора или судебнаго слѣдователя такія заявленія: „Итакъ, вы и теперь еще не хотите сознаться? Если бы вы сознались, вы немедленно были бы освобождены изъ-подъ ареста!“ Но вѣдь для всякаго ясна опасность, проистекающая отсюда: обвиняе-

мый, утомленный долгимъ подслѣдственнымъ заключеніемъ, можетъ, наконецъ, заявить: „Да, я сознаюсь!“ Въ кенигсбергскомъ процессѣ отъ обвиняемыхъ требовали сознанія въ томъ, что они образовали тайное сообщество, поставившее себѣ цѣлью переправу въ Россію сочиненій преступнаго содержанія *). Но обвиняемые не могли сознаться въ этомъ по той простой причинѣ, что имъ было извѣстно не больше того, что было извѣстно всему міру и въ частности прусскому и германскому правительству. И такъ какъ они не сознавались, то ихъ держали въ предварительномъ заключеніи долгіе мѣсяцы. Къ подслѣдственному аресту, какъ мѣрѣ пресѣченія, примѣнимо то, что примѣнимо вообще ко всякому подслѣдственному заключенію: оно тяжелѣе, чѣмъ заключеніе по приговору. При этомъ послѣднемъ заключенный знаетъ, когда кончается срокъ его страданій, онъ высчитываетъ дни, и его бодрость растетъ по мѣрѣ того, какъ близится конецъ. Напротивъ, при заключеніи, какъ мѣрѣ пресѣченія, онъ не знаетъ, когда наступитъ конецъ, онъ дѣлается вялымъ, и поэтому даже высокоученые защитники буржуазнаго права считаютъ эту форму заключенія пыткой. Но мы должны также бороться и противъ того широкаго распространенія, которое получило предварительное заключеніе, какъ мѣра противъ уклоненія отъ суда. Въ настоящее время человѣкъ подвергается предварительному заключенію, разъ онъ возбуждаетъ основательное подозрѣніе—а здѣсь всякое подозрѣніе основательно—въ томъ, что онъ намѣренъ совершить это преступленіе, т.-е. уклониться отъ суда. Обоснованіе очень простое. Требуется только построенная по шаблону мотивировка: разъ преступленіе налицо, значитъ обвиняемый склоненъ уклониться. И этотъ шаблонъ изо дня въ день разбиваетъ въ Германіи счастіе многихъ людей. (Совершенно справедливо!) Предварительное заключеніе у насъ часто примѣняется къ четырнадцатилѣтнимъ дѣтямъ, которыя, подойдя къ автомату, совершаютъ такъ называемую квалифицированную кражу, соблазненные тѣмъ, что ихъ состоятельные сверстники получаютъ изъ него лакомства. Это есть преступленіе, и

*) См. предисловіе.

они, какъ внушающіе подозрѣніе въ томъ, что вздумаютъ уклониться отъ суда, подвергаются тюремному заключенію. На международномъ съѣздѣ криминалистовъ, нѣсколько недѣль тому назадъ въ Германіи, одинъ адвокатъ предложилъ собрать статистическія данныя относительно числа случаевъ примѣненія предварительнаго заключенія у насъ въ Германіи. Мы не располагаемъ такой статистикой, но на основаніи своего опыта я могу удостовѣрить, что такая статистика, если бы она существовала, убѣдила бы насъ въ томъ, что въ громадномъ числѣ случаевъ предварительному заключенію подвергаются такія лица, которыя впослѣдствіи получаютъ оправдательный приговоръ. Для насъ не является убѣдительной ссылка на то, что правосудіе можетъ пострадать отъ того, что преступникъ можетъ скрыться до суда. Было бы очень хорошо, если бы наше правосудіе страдало только отъ такихъ случаевъ. (Совершенно вѣрно!)

Далѣе, современная школа права исходитъ изъ того взгляда, что самое лучшее—это обезвредитъ преступника, и что высылка его за предѣлы государства является самой цѣлесообразной формой наказанія. Но разъ такъ, разъ цѣль наказанія состоитъ въ томъ, чтобы удалить преступника изъ общества, то что за бѣда, если онъ самъ уходитъ изъ этого общества. Мы, конечно, не идемъ такъ далеко, чтобы требовать совершеннаго уничтоженія предварительнаго заключенія, ибо необходимо обезпечить себя отъ такихъ субъектовъ, которые, воспитавъ въ себѣ вслѣдствіе господствующихъ условій дурные инстинкты, являются угрозой для всего общества. Предварительное заключеніе, какъ мѣра пресѣченія противъ уклоненія отъ суда, тѣмъ болѣе необходима, что въ противномъ случаѣ отъ суда уклонялись бы прежде всего люди состоятельные, между тѣмъ какъ наказаніе несли бы только тѣ, которые не имѣютъ средствъ, чтобы бѣжать за границу. Но изъ этого не слѣдуетъ, что судья можетъ примѣнять эту мѣру, съ одной стороны, по шаблону, съ другой—по собственному усмотрѣнію. Необходимо точно обозначить въ законѣ ту категорію тяжкихъ преступниковъ, которые являются опасными для всего общества, и только по отношенію къ этимъ преступникамъ примѣнять предварительное заключеніе, опре-

дѣленно указавъ при этомъ тѣ данныя, на которыхъ должна была бы основываться эта мѣра. При настоящемъ положеніи дѣлъ судья всегда можетъ найти поводъ, чтобы подвергнуть обвиняемаго предварительному заключенію. Если обвиняемый человѣкъ со средствами, то судья разсуждаетъ такъ: „у него есть деньги, поэтому онъ можетъ убѣжать“; если же обвиняемый человѣкъ бѣдный, то является слѣдующій аргументъ: „такъ какъ онъ человѣкъ бѣдный, то его ничто не удерживаетъ, поэтому онъ ничего не потеряетъ, если убѣжитъ за границу“; если же, наконецъ, нельзя пустить въ ходъ ни того, ни другого аргумента, то говорится: принимая во вниманіе степень предполагаемаго наказанія, необходимо подвергнуть обвиняемаго предварительному заключенію.

Такъ, мы были недавно свидѣтелями слѣдующаго характернаго случая. Нашъ кёнигсбергскій партійный органъ напечаталъ отчетъ о бреславльскомъ процессѣ, въ которомъ привлекались къ отвѣтственности наши товарищи за возбужденіе одного класса противъ другого. Точно такой же отчетъ былъ напечатанъ во всѣхъ другихъ газетахъ, какъ, напримѣръ, во „Франкфуртской Газетѣ“. Ни противъ одной изъ нихъ не было возбуждено никакого обвиненія. Редакторъ же „Кёнигсбергской Газеты“ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ возбужденіи одного класса противъ другого, только на томъ основаніи, что въ газетѣ былъ переданъ подробный отчетъ о дѣлѣ, хотя, какъ было потомъ установлено на судѣ, отчетъ былъ составленъ вполнѣ объективно. И вотъ редакторъ былъ внезапно арестованъ въ редакціи только на томъ основаніи, что возбужденное противъ него обвиненіе должно было повлечь за собой высокую мѣру наказанія. Эта „высокая мѣра“ сводилась къ 200 марокъ штрафа. (Слушайте! слушайте!) Редактору пришлось бы провести долгіе мѣсяцы въ предварительномъ заключеніи, если бы не удалось съ большими трудностями добиться его освобожденія подъ залогъ 6,000 марокъ.

Противъ подобныхъ случаевъ должны быть созданы болѣе прочныя правовыя гарантіи. Я хочу передать на судъ общественнаго мнѣнія и подробно ознакомить васъ еще съ однимъ случаемъ, который бросаетъ яркій свѣтъ

на наше классовое правосудіе и на тѣ отрицательныя стороны нашего закона, которыя я только что описывалъ. Дѣло происходило два года тому назадъ въ Маріенбургѣ во время стачки каменщиковъ. На двухъ каменщиковъ Домбровскаго и Ланге былъ составленъ протоколъ за то, что они обратились къ проходившему мимо каменщику со слѣдующими словами: „Погоди, мы ужо съ вами расправимся!“ Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы судебный слѣдователь приказалъ арестовать обоихъ; приказъ этотъ онъ мотивировалъ такъ: оба они подозрѣваются въ томъ, что путемъ угрозъ пытались склонить Шлоссмана,—такъ звали мнимо-оскорбленнаго,—примкнуть къ стачкѣ за повышеніе заработной платы и улучшеніе условій работы, и такъ какъ ихъ ожидаетъ большое наказаніе, то есть основаніе думать, что они убѣгутъ. Самое высшее наказаніеп о 153-му параграфу (Устава о промышленности)—это 3 мѣсяца тюремнаго заключенія. Когда затѣмъ обвиняемые подали жалобу, то, прежде чѣмъ дать ей ходъ, слѣдователь снабдилъ ее слѣдующей замѣчательной припиской: „Домбровскій—руководитель стачки. Его имя встрѣчается во всѣхъ эксцессахъ, которые сопровождали эту стачку. Аресты нѣкоторыхъ стачечниковъ принесли уже хорошіе плоды: они заставили уѣхать многихъ каменщиковъ, прибывшихъ сюда съ очевидной цѣлью агитаціи. Если Домбровскій будетъ теперь освобожденъ, то есть опасеніе, что онъ скроется, такъ какъ у него нѣтъ никакой работы и онъ, какъ руководитель стачечнаго движенія, врядъ ли сможетъ получить ее у здѣшнихъ предпринимателей“. Въ этихъ словахъ, товарищи, заключалась истинная причина и цѣль произведенныхъ арестовъ. (Совершенно вѣрно!) Дѣло шло, стало быть, не о мѣрѣ пресѣченія противъ уклоненія отъ суда, а о томъ, чтобы обезвредить руководителя стачки. (Совершенно вѣрно!) Здѣсь передъ нами удивительный случай, когда судья, въ оффиціальныхъ актахъ, хвастаетъ тѣмъ, что произведенные имъ аресты заставили многихъ рабочихъ покинуть городъ. (Слушайте! слушайте!) Итакъ, эти аресты имѣли своей спеціальной цѣлью устрашить стачечниковъ. И какую бездну логики обнаруживаетъ судъ, предполагая, что руководитель стачки можетъ скрыться потому, что у него нѣтъ работы. Ин-

тересно, какъ представляетъ себѣ судъ роль такого руководителя стачки, который способенъ скрываться или даже прямо удрать?! Имперскій статсъ-секретарь по дѣламъ юстиціи, если бы ему указали на такіе случаи, вѣроятно отвѣтилъ бы, что бываютъ, конечно, исключенія, когда судьи злоупотребляютъ своей властью. Но къ этому взгляду судебнаго слѣдователя, товарищи, всецѣло примкнулъ также и прокуроръ окружнаго суда, а вслѣдъ за нимъ и уголовная камера! (Слушайте! слушайте!) Прокуратура, обычно работающая съ поразительной быстротой, особенно когда дѣло идетъ о литературныхъ грѣшникахъ, на этотъ разъ удивительно долго возилась съ такимъ простымъ дѣломъ. 9-го іюня прокуроръ исходатайствовалъ у суда продленіе ареста на недѣлю, послѣ нея—еще на двѣ недѣли и затѣмъ еще разъ на двѣ недѣли. Наконецъ, обвиняемые нашли себѣ въсосѣднемъ городѣ защитника, который и подалъ опять жалобу на незаконный арестъ. Но оберъ-прокуроръ снова ходатайствовалъ о продленіи ареста, и только 27 іюля судебная палата въ Маріенбургѣ постановила снять арестъ. При этомъ она мотивировала свое рѣшеніе тѣмъ, что такъ какъ не состоявшій никогда подъ судомъ Домбровскій можетъ быть приговоренъ къ 3-хъ съ половиною мѣсячному тюремному заключенію, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что онъ вздумаетъ уклониться отъ суда. Кромѣ того, у него есть маленькій ребенокъ, и трудно предположить, что онъ броситъ свою семью на произволъ судьбы. Тѣ соображенія, говорится далѣе въ постановленіи судебной палаты, которыя, повидимому, заставили судебнаго слѣдователя подвергнуть обвиняемыхъ предварительному заключенію, не находятъ законнаго оправданія въ уголовномъ судопроизводствѣ. (Слушайте! слушайте!) Что все это дѣло съ самаго начала ничего не стоило, это обнаружилось на судѣ, когда одинъ изъ обвиняемыхъ былъ совершенно оправданъ, а другой приговоренъ къ недѣльному заключенію въ тюрьмѣ, да и то не безъ натяжки. Но все описанное до сихъ поръ не было еще самымъ худшимъ въ этомъ чрезвычайно характерномъ дѣлѣ. Во время судебнаго разбирательства защитникъ, указывая на вышеописанные факты, требовалъ отвода

того судьи, который по этому же дѣлу велъ слѣдствіе, въ качествѣ судебнаго слѣдователя, какъ лица заинтересованнаго. Основаніемъ къ отводу служило еще то обстоятельство, что, какъ удалось узнать защитнику, судья въ началѣ дѣла обратился къ ландрату (начальнику мѣстной полиціи) и сказалъ ему: „Посылайте ко мнѣ какъ можно больше бастующихъ каменщиковъ, объ остальномъ мы ужъ позаботимся сами“. (Слушайте! слушайте!) Вамъ покажется, конечно, невѣроятнымъ тотъ фактъ, что судья спускается съ своей sella curulis (судейскаго кресла) и обращается съ подобными предложеніями къ полицейскому чиновнику. Но самъ судья признался въ этомъ, разсказавъ, что онъ, дѣйствительно, ходилъ къ ландрату и увѣщевалъ полицію и администрацію, чтобы онѣ принимали болѣе энергичныя мѣры противъ бунтовщиковъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые совершаютъ преступныя дѣянія, предавали бы въ его руки. (Слушайте! слушайте!) Но развѣ судьѣ не было извѣстно, что не всякій „бунтовщикъ“ можетъ быть подвергнутъ предварительному заключенію, что для этого необходима наличность преступленія или проступка, основательныя подозрѣнія и достаточно данныхъ для предположенія, что преступникъ намѣренъ уклониться отъ суда? И здѣсь опять-таки рѣчь идетъ отнюдь не о единичномъ воззрѣніи какого-нибудь судьи, потому что вѣдь и прокуроръ заявилъ впослѣдствіи, что судья не только имѣлъ право, но и былъ обязанъ поступить такъ именно, какъ онъ поступилъ. Несмотря на все это, тотъ же судья-слѣдователь заявилъ, что онъ считаетъ себя способнымъ быть безпристрастнымъ въ отношеніи къ обоимъ подсудимымъ. Какъ могъ онъ дѣлать подобное заявленіе, послѣ того, какъ онъ самъ же приводилъ поразительные примѣры своего враждебнаго отношенія къ подсудимымъ,—это остается рѣшительно непонятнымъ. Однако, и окружный судъ согласился съ судьей относительно его безпристрастности, хотя и сдѣлалъ ему въ мягкой формѣ выговоръ, назвавъ его обращеніе къ ландрату „необычнымъ“ поступкомъ. Все это было бы совершенно непонятно, если бы мы не знали, что, произнося свои приговоры, современные судьи бываютъ не въ состояніи разсуждать безпристрастно и вполнѣ объективно,

отвлекаясь отъ своего воспитанія и отъ воззрѣній своего класса.

Я знаю одинъ случай, еще болѣе возмутительный, когда предварительному заключенію былъ подвергнутъ нѣкій человѣкъ, виновный только въ томъ, что онъ „остановился“ на улицѣ. Наказаніе, ожидавшее его, равнялось штрафу отъ 3-хъ до 30-ти марокъ. Его подвергли предварительному заключенію на томъ основаніи, что онъ принималъ участіе въ стачкѣ—въ этомъ заключалось его *истинное* преступленіе — и уговаривалъ пристать къ ней другихъ каменщиковъ. Но вѣдь такія дѣйствія, разъ они не соединяются со средствами, предусмотрѣнными § 153-мъ *), разрѣшены закономъ. Такимъ образомъ, этого человѣка продержали 23 дня подъ арестомъ только за то, что онъ не удалился съ улицы по первому требованію городового. (Слушайте! слушайте!)

Всѣ эти факты, которыхъ я могъ бы привести сотни изъ моей собственной практики, вопіютъ къ небу. (Совершенно вѣрно!) Мы должны требовать, далѣе, въ цѣляхъ обезпеченія свободы гражданъ, — а вѣдь и рабочіе суть граждане,—чтобы подвергающіеся аресту получали немедленно защитника. При теперешнемъ производствѣ дѣлъ арестованный оказывается въ худшемъ положеніи, чѣмъ подсудимый, такъ какъ онъ бываетъ лишенъ возможности представить оправдательный матеріалъ. Мы требуемъ затѣмъ, чтобы обвиняемый, находящійся подъ предварительнымъ заключеніемъ, получалъ право свободно сноситься съ своимъ защитникомъ, а также, письменно, съ внѣшнимъ міромъ, чтобы допросъ его производился въ порядкѣ состязательномъ передъ судомъ, дабы послѣдній могъ рѣшить, правильно ли произведенъ былъ арестъ, или нѣтъ. Далѣе, само собою разумѣется, что судья долженъ нести полную отвѣтственность за всѣ проступки, совершенные имъ при исполненіи обязанностей, при чемъ въ случаѣ надобности эта отвѣтственность должна падать и на государство, которое обязано также вознаграждать всѣхъ, неправильно задержанныхъ. Дѣйствующій нынѣ законъ о вознагражденіи невинно арестованныхъ [15]), какъ извѣстно, лишь

*) См. примѣч. [11]) стр. 81.

въ рѣдкихъ случаяхъ вознаграждаетъ потерпѣвшихъ. Мы требуемъ, далѣе, упраздненія монополіи прокуратуры въ возбужденіи уголовныхъ дѣлъ [16]), чтобы сдѣлать невозможными случаи, подобные бреславльскому, когда прокуроръ привлекъ къ отвѣтственности только одну часть участниковъ мнимаго преступленія *). Рабочимъ должна быть предоставлена возможность въ тѣхъ случаяхъ, когда прокуроръ отказывается возбуждать дѣло противъ предпринимателей, противъ богатыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, поднять процессъ своими силами, народнымъ судомъ.

Я хочу еще затронуть вопросъ о нашемъ отношеніи къ непрерывному увеличенію числа обвинительныхъ приговоровъ. По даннымъ, приводимымъ въ „Статистическомъ ежегодникѣ Германской имперіи“, число лицъ, осужденныхъ въ 1904 г. на основаніи общеимперскихъ законовъ за проступки и преступленія, равнялось 516.976. Изъ нихъ 50.028, т.-е. почти 10%, не достигшихъ еще 18-ти лѣтъ, и 225.326 т.-е. почти половина, рецидивистовъ. Къ этимъ числамъ надо присоединить еще большее число лицъ, осужденныхъ на основаніи партикулярныхъ законовъ, какъ напр., законовъ о союзахъ, или за такія „нарушенія“, какъ нищенство, бродяжничество, грубое безчинство, или, наконецъ, за мелкіе проступки полицейскаго характера. Такимъ образомъ, передъ нами встаетъ ужасная картина „преступности“. За этими нѣмыми цифрами скрывается бездна горя и страданій. Число новыхъ осужденій увеличивается изъ года въ годъ съ поразительною правильностью. Такъ, число лицъ, осужденныхъ за проступки и преступленія противъ дѣйствующаго общеимперскаго уголовнаго уложенія увеличилось въ 1899—1904 гг. съ 477.807 до 516.976. Эта громадная армія преступниковъ рекрутируется главнымъ образомъ изъ неимущихъ, не господствующихъ классовъ. Уже одно это обстоятельство заставляетъ соціалъ-демократическую партію серьезно заняться этой проблемой. Всѣ ученые представители уголовной политики признаютъ, что въ борьбѣ съ преступностью наше уголовное право безсильно. Но какъ разъ именно представители новой уголовно-соціологической школы по-

*) См. примѣч. [10]) стр. 81.

лагаютъ, что можно будетъ успѣшно бороться съ преступностью при помощи новаго уголовнаго кодекса, реформированнаго согласно этимъ новѣйшимъ воззрѣніямъ. Такой взглядъ на дѣло глубоко ошибоченъ. Преступность, какъ признаетъ именно эта школа, имѣетъ свои глубокіе корни въ общественныхъ условіяхъ. Въ качествѣ явленія соціальнаго, она не можетъ быть выдѣлена изъ всѣхъ остальныхъ соціальныхъ вопросовъ. Въ ея современномъ видѣ и характерѣ преступность крѣпко срослась съ капиталистическимъ строемъ, изъ котораго она черпаетъ все новые соки. Изъ всѣхъ осужденныхъ въ 1904 г. лицъ, 121.310 было осуждено за кражу и мошенничество, 25.788 за обманъ, 7.440 за укрывательство и 125.741 за нанесеніе побоевъ. Въ приведенныхъ цифрахъ ясно обнаруживается связь между преступностью и соціальными условіями. Что преступность находится въ зависимости отъ экономическаго положенія даннаго народа—это давно извѣстно, и теперь уже никѣмъ не оспаривается. Были даже попытки проводить параллели между высотою хлѣбныхъ цѣнъ и числомъ преступленій. Далѣе, было указано, что значеніе экономическихъ факторовъ отражается въ данномъ случаѣ не только на современномъ поколѣніи, но и на потомкахъ. Въ своемъ докладѣ „Будущее уголовнаго права“ проф. *Листъ* высказалъ, между прочимъ, такія соображенія: „Нищета, заѣвшая и сломившая отца и мать, бросившая перваго въ объятія алкоголизма, а вторую въ армію проститутокъ, выражается и въ ослабленныхъ жизненныхъ силахъ ребенка; послѣдній же въ свою очередь ростетъ въ тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ и подъ увеличивающимся вліяніемъ общественныхъ факторовъ“. Въ томъ же докладѣ Листъ указываетъ на экономическій гнетъ, какъ на причину, обусловливающую ростъ преступности вообще и въ особенности увеличивающееся число кражъ. Этой же причиной онъ пытался объяснить тотъ фактъ, что число кражъ, прогрессивно уменьшавшееся до 1888 года, съ тѣхъ поръ непрерывно растетъ. Однако, и это объясненіе оказалось неудовлетворительнымъ, потому что увеличеніе числа кражъ замѣчается также и въ періоды экономическаго подъема. Такимъ образомъ,

въ другомъ своемъ докладѣ на тему „О преступленіи, какъ соціально-патологическомъ явленіи“, прочитанномъ имъ въ 1899 г. въ Дрезденѣ, Листъ считаетъ уже одною изъ главныхъ причинъ роста преступности общее положеніе рабочаго класса, его положеніе не только въ матеріальномъ но и въ физическомъ, духовномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Но если уже додумываются до такого пониманія вещей и признаютъ въ общемъ положеніи рабочаго класса основной факторъ преступности, то надо идти дальше и сказать, что преступность обусловливается капиталистическимъ строемъ общества. Въ тѣхъ соціалъ-демократическихъ кругахъ, которые не занимаются основательно этимъ вопросомъ, нерѣдко можно услышать, что одними экономическими факторами нельзя еще здѣсь объяснить всего. Нѣтъ, товарищи! не экономическіе факторы, какъ таковые, не индивидуальная нужда, а хозяйственный строй общества и вытекающее изъ этого строя раздѣленіе общества на классы, тѣсно связанныя съ этимъ строемъ явленія массовой нищеты, вліяніе алкоголизма, проституціи, вовлеченіе женщинъ и дѣтей въ процессъ производства, разрушеніе семьи,—однимъ словомъ всѣ тѣ явленія, которыя тѣсно связаны съ современнымъ экономическимъ строемъ—вотъ гдѣ кроются причины преступности. Часто можно слышать и такія возраженія: вѣдь и при новомъ строѣ общества будутъ существовать преступники, дѣйствующіе подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти, будутъ происходить, напримѣръ, убійства изъ-за ревности. Однако, что будутъ значить тогда эти единичные случаи по сравненію съ теперешними колоссальными цифрами преступности? Число лицъ, осуждаемыхъ теперь за убійство (Mord, ср. примѣч. [17]) или причиненіе смерти, составляетъ всего 0,21% всѣхъ преступниковъ. Но при другихъ соціальныхъ условіяхъ, при правильномъ соціалистическомъ воспитаніи, и теперешніе преступники, дѣйствующіе въ пылу страсти, утратятъ много мотивовъ къ преступленію и пріобрѣтутъ гораздо большую силу сопротивленія противъ преступныхъ наклонностей.—Но даже и тѣ, которые не идутъ такъ далеко, чтобы видѣть причину преступности въ капиталистическомъ строѣ, даже и они

требуютъ, по крайней мѣрѣ, рѣшительныхъ соціальныхъ реформъ. Было бы гораздо лучше, если бы теперешніе ученые юристы, вмѣсто того, чтобы трудиться надъ созданіемъ новыхъ уголовныхъ законовъ со множествомъ ненужныхъ параграфовъ, употребили всѣ свои силы и все свое вліяніе на проведеніе соціальныхъ реформъ. Наша задача заключается въ томъ, чтобы проявить особенно усиленную дѣятельность въ этомъ направленіи. Если число преступленій не увеличивается еще больше, то въ этомъ надо видѣть заслугу соціалъ-демократіи и профессіональныхъ союзовъ. (Совершенно вѣрно!) Если бы не профессіональные союзы, которые содѣйствуютъ повышенію жизненнаго уровня у своихъ товарищей и оказываютъ имъ помощь въ безработицѣ, то число преступниковъ еще больше возросло бы, и если бы не соціалъ-демократическая партія и профессіональные союзы, которые борются съ угнетающимъ вліяніемъ капитализма и заботятся о предохраненіи перехода рабочихъ въ ряды лумпенпролетаріата, то преступность, рекрутирующая свои кадры преимущественно среди лумпенпролетаріата, еще болѣе увеличилась бы (Совершенно вѣрно!).

Мы требуемъ, поэтому, отъ тѣхъ, кто искренно желали бы содѣйствовать уменьшенію преступности, чтобы они стали на защиту введенія восьмичасового рабочаго дня. Вѣдь для каждаго ясно, что менѣе всего способенъ сопротивляться преступнымъ наклонностямъ рабочій, ослабленный длиннымъ рабочимъ днемъ, который не въ состояніи вслѣдствіи этого бороться со страстью къ пьянству, семья котораго распадается и котораго нужда гонитъ въ кабакъ. Мы требуемъ прежде всего уничтоженія всѣхъ стѣсненій, которыя мѣшаютъ рабочему использовать свободу союзовъ. Мы требуемъ, далѣе, удешевленія и улучшенія рабочихъ жилищъ, такъ какъ преобладающее число преступленій противъ нравственности тѣсно связано съ теперешнею жилищною нуждою (Совершенно вѣрно!). Мы требуемъ устраненія всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ повышенію цѣнъ на жизненныя средства, а, стало быть, и уничтоженія таможенной политики. Всѣ, кто защищаетъ эту таможенную политику, содѣйствуютъ росту преступности (Совершенно вѣрно!). Мы требуемъ вмѣсто теперешнихъ школъ, искалѣчен-

ныхъ школьной политикой Штудта *), созданія такой народной свѣтской школы, которая дѣйствовала бы облагораживающимъ образомъ на умъ и чувство рабочихъ. Если существуютъ лица, на которыхъ можно возложить отвѣтственность за увеличеніе числа преступленій, наблюдающееся въ настоящее время, то эти лица суть тѣ политики, которые тормозятъ развитіе соціальныхъ реформъ, которые создали школьный законъ и которые повинны въ таможенной политикѣ. (Совершенно вѣрно!) Если мы признаемъ это, то, само собой разумѣется, мы отнесемся съ состраданіемъ къ жертвамъ современнаго общества. Поэтому, наша партійная пресса ни въ какомъ случаѣ не должна, подобно буржуазной прессѣ, обдавать презрѣніемъ и оскорблять дѣтей, обокравшихъ какой-нибудь „автоматъ“. Однако, съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ нашемъ сожалѣніи къ тѣмъ людямъ, которыхъ современная соціальная среда обратила въ звѣрей, мы не можемъ идти напримѣръ, такъ далеко, чтобы ограничиться однимъ оплакиваніемъ ихъ; съ ними приходится считаться, какъ съ звѣрями, но государство имѣетъ по отношенію къ нимъ ту обязанность, что оно должно попытаться устранить условія, ихъ создавшія. Только перечень и описаніе нашихъ наказаній потребовали бы многочасового доклада, большинство изъ васъ, впрочемъ, обладаетъ большой освѣдомленностью въ этой области. (Совершенно вѣрно!) Наши наказанія никоимъ образомъ не останавливаютъ преступленій, противъ которыхъ они направлены. Всѣ знатоки нашихъ остроговъ и каторжныхъ тюремъ согласны въ этомъ. Недавно даже прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ въ одномъ изъ своихъ указовъ признаться, что слѣдуетъ тщательно изслѣдовать вопросъ, имѣютъ-ли малолѣтніе преступники понятіе о наказуемости ихъ поступка, и, если въ этомъ возникаетъ сомнѣніе, то они не должны подлежать наказанію.

Способы обращенія суда въ наше время съ дѣтьми

*) Нынѣшній прусскій министръ нар. просв., по иниціативѣ котораго прусскій ландтагъ принялъ лѣтомъ 1906 г. законъ, передающій фактически народную школу въ вѣдѣніе клерикаловъ и чиновниковъ. *Ал. В.*

трудящихся классовъ не могутъ не вызывать у всѣхъ, знакомымъ съ дѣломъ, самыхъ тяжелыхъ чувствъ. Каждый изъ насъ долженъ признаться, что или онъ самъ или многіе изъ его знакомыхъ, занимающихъ нынѣ почетное положеніе, совершали въ юности поступки, являющіеся по нашему уголовному уложенію наказуемыми дѣяніями. Я встрѣчалъ людей, занимающихъ видные государственные посты, которые совершали въ своей юности поступки, предусмотрѣнные уголовнымъ закономъ; они не сознавали этого, и если бы попали на скамью подсудимыхъ, то ихъ родители, учителя и знакомые попытались бы доказать, что эти дѣти еще не имѣли понятія о наказуемости своего поступка. Но такого шума не станутъ поднимать изъ-за дѣтей рабочихъ. Отецъ ребенка не въ состояніи былъ бы даже сдѣлать это. Наши суды вообще не входятъ въ оцѣнку мотивовъ поступка, они не спрашиваютъ, каковы были индивидуальные факторы, было ли налицо здѣсь болѣзненное предрасположеніе или духовное недоразвитіе; не интересуетъ ихъ также вопросъ, какія обстоятельства и какая среда привела ребенка къ совершенію даннаго поступка. Нашимъ требованіемъ должно быть—и это требованіе исходитъ не только отъ насъ, соціалъ-демократовъ, но также и отъ болѣе проницательныхъ слоевъ буржуазіи,—чтобы лица, первый разъ попадающія въ острогъ или каторжную тюрьму, и дѣти не содержались вмѣстѣ съ опредѣлившимися преступниками. Особенно у малолѣтнихъ наблюдается склонность самимъ превращаться въ преступниковъ только вслѣдствіе общенія съ преступниками: въ нихъ одно это общеніе уже вызываетъ антисоціальныя побужденія и навыки. Мы требуемъ, поэтому, отдѣленія малолѣтнихъ отъ взрослыхъ преступниковъ. Далѣе, обращеніе съ заключенными должно быть таково, чтобы они могли опять сдѣлаться годными членами общества; ихъ не должны мучить жестокими тѣлесными наказаніями, а напротивъ, должны пытаться дать имъ физическое духовное и нравственное воспитаніе, свободное отъ всякаго ханжества. Само собой разумѣется, мы требуемъ, чтобы заключенныхъ не обременяли работами, которыя становятся для нихъ мученіемъ; имъ должна быть дана такая работа, которая помогла

бы имъ опять подняться. Работа ихъ ни въ какомъ случаѣ не должна сводиться къ перебиранію гороха или витью пакли; она должна быть приноровлена къ тому, чтобы дать каждому возможность развиваться дальше въ его профессіи. Прежде всего, нужно уничтожить жестокій обычай мучить притупляющей физической работой лицъ, которыя до этого времени занимались исключительно умственнымъ трудомъ. Именно, очень часто подобную мѣру примѣняютъ къ редакторамъ соціалъ-демократическихъ газетъ. Одинъ изъ нашихъ вчерашнихъ референтовъ, несмотря на свое образованіе, какъ учителя, въ теченіе мѣсяцевъ долженъ былъ выполнять физическія работы. Точно также государство должно проявлять свою заботу по отношенію къ лицамъ, выпускаемымъ изъ тюремъ. Вѣдь если человѣкъ выходитъ изъ тюрьмы и вступаетъ опять въ жизнь, не имѣя работы, то онъ, по необходимости, вновь увлекается на путь преступленій.

Что касается, до *уголовнаго права*, то мы должны неуклонно настаивать на нашихъ прежнихъ требованіяхъ, именно: на отмѣнѣ смертной казни [17]) и минимума степени наказаній, т.-е. необходимости дать судьѣ возможность налагать самыя незначительныя наказанія. Само собой разумѣется, что мы требуемъ уничтоженія наказанія лишеніемъ свободы во многихъ незначительныхъ проступкахъ, потому что такое наказаніе только ставитъ виновнаго и его семью въ затруднительное положеніе; далѣе, мы требуемъ, чтобы наказаніе не всегда налагалось на человѣка, совершившаго наказуемое дѣяніе, чтобы оно примѣнялось къ нему только тогда, если онъ обвиненъ вторично въ совершеніи наказуемаго дѣянія. Мы требуемъ также, чтобы денежные штрафы не замѣнялись лишеніемъ свободы въ случаѣ несостоятельности; и кромѣ того, долженъ быть установленъ извѣстный максимумъ, очень небольшой, денежныхъ штрафовъ за мелкіе проступки, при чемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при опредѣленіи размѣра штрафа, должна приниматься во вниманіе степень состоятельности обвиняемаго. Само собой разумѣется, далѣе, что преступленія противъ собственности должны наказываться при нашемъ общественномъ строѣ мягче. Мы еще недавно были

свидѣтелями того, какъ одинъ человѣкъ, укравшій колбасу, былъ приговоренъ къ полутору годамъ тюрьмы. Мужчины и женщины, подбиравшіе маленькіе куски угля, наказывались 6-ю мѣсяцами тюрьмы и болѣе, только потому, что уже раньше они судились. Мы требуемъ, чтобы люди, посягнувшіе на чужую собственность подъ давленіемъ голода, оправдывались. Само собой разумѣется, что отъ тюрьмы должны освобождаться не только тѣ, которые присвоили себѣ средства существованія, но также и тѣ, которые похитили другіе предметы потребленія, необходимые для жизни; они должны подвергаться исключительно денежному штрафу. Мы требуемъ, прежде всего, чтобы охраняли закономъ тѣ блага, которыя имѣютъ высокую цѣнность для рабочаго класса, и чтобы право союзовъ было направлено на благо рабочихъ. Мы требуемъ прежде всего, чтобы рабочіе были защищены отъ эксплоатаціи. (Очень хорошо!) Только нѣсколько цифръ: въ 1904 году, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, отъ несчастныхъ случаевъ пострадало 137.673 рабочихъ, и это большей частью только благодаря тому, что охранительныя правила и предохраняющія сооруженія были недостаточны. Было убито 8.752 человѣка, и статистика говоритъ, что число пострадавшихъ и убитыхъ растетъ съ каждымъ годомъ [18]).

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ требованія, которыя должны быть выставлены нами. Они вытекаютъ всѣ изъ одного: уголовное право, такъ какъ оно существуетъ въ настоящее время, и карательный режимъ не могутъ удовлетворять современнымъ потребностямъ. Въ особенности, они не соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ и стремленіямъ рабочаго люда. (Совершенно вѣрно!) Наша задача, при всякихъ попыткахъ общественныхъ реформъ, должна быть такова: употребить наше вліяніе на возможно болѣе полное осуществленіе тѣхъ воззрѣній которыя мы признаемъ правильными. Мы должны, прежде всего, позаботиться о томъ, чтобы рабочимъ не ставили препятствій въ городахъ, гдѣ они ведутъ борьбу за улучшеніе условій труда. И если бы наши противники были умны, то они сами должны были бы придти къ этому, ибо никакія уголовныя нормы не остановятъ пролетаріатъ въ его освободительной борьбѣ. (Очень хорошо!) Если число

параграфовъ уголовнаго кодекса будетъ еще болѣе увеличено, если ихъ примѣненіе къ рабочимъ будетъ еще суровѣе, то все это будетъ имѣть только обратное дѣйствіе. Всѣ, познакомившіеся съ тюрьмой, усилятъ голоса организованнаго пролетаріата и будутъ содѣйствовать росту рабочаго движенія. Такимъ образомъ, наши господствующіе классы и въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, вынуждены подыскивать болѣе строгія уголовныя нормы, съ другой стороны, примѣняя эти нормы, вызываютъ все чаще ненависть и злобу къ существующему общественному строю. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ слѣдующія слова уже упомянутаго члена верховнаго суда—Миттельштедта: „Какъ должны быть ослѣплены полицейскимъ міровоззрѣніемъ тѣ, кто наивно полагаютъ, что можно, дѣйствительно, поставить въ безвыходное положеніе соціалъ-демократію, при помощи § 360“ *) какого нибудь наказанія за „нарушеніе“. Если можно достигнуть чего-нибудь этими мелочными придирками, этими штрафами и арестами на основаніи параграфа о грубомъ безчинствѣ,—то развѣ только непрерывнаго раздраженія, путемъ мелкихъ булавочныхъ уколовъ,—раздраженія чувства правосознанія. Для каждаго должно, наконецъ, стать яснымъ, что то, что сегодня приходится испытывать на себѣ соціалъ-домократіи, завтра же можетъ обрушиться на любую другую политическую, экономическую или религіозную организацію. Впрочемъ, можно сказать, что вся эта наша безчинствующая юриспруденція отнюдь не стрѣляетъ изъ пушекъ по воробьямъ, а пытается пошатнуть естественное народное движеніе при помощи жалкихъ бумажныхъ шариковъ, скатанныхъ изъ слабой логики юристовъ. Товарищи! Никакіе параграфы уголовнаго уложенія не смогутъ задержать побѣднаго шествія германскаго рабочаго класса! (Оживленное одобреніе.)

---

*) См. примѣч. 7.

Резолюція,

предложенная Гаазе и принятая подавляющимъ большинствомъ голосовъ на маннгеймскомъ партейтагѣ германской соціалъ-демократіи *).

I. Нормы уголовнаго права вытекаютъ изъ потребностей общества и измѣняются вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который создалъ ихъ. Всѣ существовавшія до сихъ поръ общества стремились къ защитѣ своихъ жизненныхъ интересовъ при помощи наказанія. Въ классовомъ государствѣ господствующій классъ считаетъ свои интересы особенно нуждающимися въ защитѣ и достойными таковой. Сообразно съ этимъ взглядомъ онъ создаетъ свое уголовное право.

II. Въ цѣляхъ поддержанія своего господства, этотъ классъ пытается угрожать наказаніемъ за всякую дѣятельность, содѣйствующую общественному прогрессу и угрощающую, благодаря этому, классовымъ интересамъ буржуазіи. Въ эту сторону направлено также и уголовно-полицейское право, непрерывно расширяющее предѣлы своей компетенціи. Чѣмъ шире растетъ вліяніе рабочаго класса и чѣмъ настойчивѣе этотъ классъ проводитъ свои классовые интересы, тѣмъ рѣзче становится противорѣчіе между уголовно-правовыми нормами и мышленіемъ, и чувствами широкихъ народныхъ массъ.

III. Юстиція, какъ органъ господствующихъ классовъ, ставитъ себѣ задачею защиту существующаго государственнаго и общественнаго строя. Чѣмъ больше обостряются классовыя противорѣчія, тѣмъ циничнѣе ста-

---

*) Партейтагъ постановилъ выпустить докладъ Гаазе отдѣльной брошюрой для распространенія въ массахъ.

новится стремленіе господствующихъ классовъ воспользоваться юстиціей, какъ средствомъ для угнетенія рабочихъ и порабощенія ихъ подъ прикрытіемъ права.

Назначаемые правительствомъ классоваго государства судьи, отдѣленные отъ народа бюрократической стѣною и проникнутые воззрѣніями того класса, къ которому они принадлежатъ, обнаруживаютъ полное непониманіе стремленій рабочаго класса и инстинктивно противодѣйствуютъ этимъ стремленіямъ. Такимъ образомъ, пропасть между судебной практикой и правосознаніемъ огромнаго большинства народа все больше и больше углубляется. Такая судебная практика облегчается, между прочимъ, растяжимостью опредѣленій дѣйствующаго уголовнаго права. Благодаря всему этому, современная юстиція все болѣе пріобрѣтаетъ характеръ классоваго правосудія, и возмущеніе этимъ правосудіемъ широкихъ народныхъ массъ непрерывно растетъ.

IV. Вліяніемъ интересовъ господствующаго класса проникнуты какъ уставъ судоустройства, такъ и судопроизводства. Судебная бюрократія стремится къ укрѣпленію своего могущества. Правовыя гарантіи подсудимыхъ подвергаются урѣзываніямъ. Гражданская свобода отдана на усмотрѣніе юстиціи, и это усмотрѣніе легко превращается въ произволъ.

V. Все растущее число обвинительныхъ приговоровъ представляетъ собою серьезную проблему и для соціалъ-демократіи.

Съ ростомъ рабочаго класса и распространеніемъ соціалистическихъ идей все больше укореняется и среди представителей официальной юриспруденціи взглядъ, что причины преступности лежатъ въ общественныхъ условіяхъ. Но эти юристы не идутъ до конца въ своихъ выводахъ. Преступность въ ея современномъ видѣ и развитіи тѣсно связана съ капиталистическимъ строемъ общества и постоянно получаетъ отъ него новое питаніе. Поэтому она исчезнетъ только вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, изъ котораго она беретъ свои корни. Какъ бы ни былъ построенъ уголовный кодексъ, считать, что можно съ успѣхомъ бороться при помощи этого кодекса съ преступностью, значитъ предаваться иллюзіямъ. Но и въ предѣлахъ современнаго обществен-

наго строя число преступленій можетъ уменьшиться, если будутъ ослаблены причины, создающія ихъ. Но послѣднее можетъ быть достигнуто только лишь путемъ рѣшительныхъ соціальныхъ реформъ, среди которыхъ должны стоять на первомъ мѣстѣ: введеніе законодательнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня, обезпеченіе свободы союзовъ и распространеніе ея и на сельскихъ рабочихъ, улучшеніе и удешевленіе жилищъ для рабочихъ, устраненіе всѣхъ причинъ, обусловливающихъ высокія цѣны на жизненныя средства, народная свѣтская школа, стремящаяся къ воспитанію независимыхъ натуръ.

Опытъ показалъ, что жестокія наказанія никого не отпугиваютъ и никого не исправляютъ. Для того, чтобы уголовное право стояло на уровнѣ вѣка, оно должно быть проникнуто духомъ гуманности. Нарушители законовъ, создаваемые исключительно теперешнимъ экономическимъ строемъ общества, не должны подвергаться тяжелымъ наказаніямъ. Совершенно безнаказанными должны оставаться такія преступленія, какъ неимѣніе постояннаго крова, нищенствованіе и бродяжничество. Малолѣтніе преступники, не достигшіе еще того возраста, когда они настолько развились, чтобы быть въ состояніи бороться съ своими преступными наклонностями, не должны подлежать дѣйствію уголовныхъ законовъ [19]).

VI. Остроги и каторжныя тюрьмы, какъ признано всѣми, совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію—содѣйствовать уменьшенію преступности. Ихъ съ полной справедливостью называютъ „высшей школой преступленія“; дѣйствительно, они содѣйствуютъ росту преступности, особенно благодаря тлетворному вліянію ихъ на молодыхъ преступниковъ. Несмотря на это, господствующіе классы не считаютъ возможнымъ отказаться отъ этихъ учрежденій. Поэтому необходимо, по крайней мѣрѣ, какъ можно больше ограничить число осужденій на каторгу и тюремное заключеніе; обращеніе же съ преступниками въ тюрьмахъ должно стать такимъ, чтобы осужденные оставались или сдѣлались полезными членами общества.

Исходя изъ вышесказаннаго, соціалъ-демократія выставляетъ, при предстоящемъ пересмотрѣ уголовнаго

уложенія, уголовнаго судопроизводства и карательнаго режима, слѣдующія ближайшія требованія:

А. Въ области уголовнаго права:

1. Установленіе шестнадцатилѣтняго возраста, какъ минимальнаго для несенія наказанія.

2. Устраненіе изъ уголовнаго кодекса всѣхъ растяжимыхъ понятій; всѣ нормы опредѣляются самымъ точнымъ образомъ.

3. Отмѣна наказанія за свободное выраженіе мнѣній и свободное художественное творчество, а также и за стремленіе къ улучшенію положенія рабочаго класса.

Наоборотъ, введеніе защиты закономъ рабочей силы и расширеніе понятія и предѣловъ законной самозащиты.

4. Отмѣна партикулярнаго уголовнаго права (законы отдѣльныхъ государствъ о лѣсной и полевой кражахъ, исключительные законы о сельскихъ и домашнихъ рабочихъ (Gesinderecht).

Общеимперское урегулированіе уголовно-полицейскаго права, точное ограниченіе предѣловъ полицейской власти и уничтоженіе произвола послѣдней.

Отмѣна наказаній за нищенство, бродяжничество и неимѣніе постояннаго крова.

Признаніе и обезпеченіе закономъ права „стачечныхъ постовъ".

5. Уничтоженіе смертной казни. Устраненіе минимума мѣры наказанія. Допущеніе смягчающихъ обстоятельствъ для всякаго рода преступныхъ дѣйствій. Менѣе суровое, чѣмъ теперь, наказаніе за преступленія противъ собственности. Присвоеніе предметовъ потребленія для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, равно какъ средствъ производства незначительной стоимости—наказывается только какъ „нарушеніе". Введеніе въ широкихъ размѣрахъ условнаго осужденія. Замѣна (факультативная) всѣхъ тюремныхъ приговоровъ на короткій срокъ—денежными штрафами. Недопустимость замѣны лишеніемъ свободы не взысканнаго штрафа. Установленіе максимальной—умѣренной—суммы денежнаго штрафа при „нарушеніяхъ"; введеніе при другихъ преступныхъ

дѣяніяхъ пропорціональности денежнаго штрафа сообразно съ имущественнымъ положеніемъ.

Отмѣна передачи преступника на попеченіе мѣстной полиціи и отдачи подъ полицейскій надзоръ.

Б. Въ области карательнаго режима:

1. Система наказаній должна быть регулирована единообразно для всей имперіи. Наказаніе не должно вести къ униженію и истязанію осужденныхъ, этихъ жертвъ существующаго общественнаго строя, а къ укрѣпленію ихъ физической, духовной и нравственной силы сопротивленія въ борьбѣ за существованіе. „Требованіе молчанія“ и жестокія дисциплинарныя взысканія должны быть отмѣнены.

2. Для юныхъ преступниковъ, не достигшихъ 20 лѣтъ, должны быть устроены особыя учрежденія, подъ руководствомъ педагоговъ; подобныя же учрежденія, управляемыя педагогами и врачами, должны быть устроены для лицъ, недоразвитыхъ психически.

3. Когда цѣль наказанія достигнута, то осужденный долженъ быть выпускаемъ на свободу до истеченія срока наказанія.

4. Государство обязано заботиться о пріисканіи работы для выпущенныхъ изъ тюрьмы.

В. Въ области судоустройства и уголовнаго судопроизводства:

1. Выборъ судей—безъ различія пола—всѣмъ народомъ, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Сохраненіе—до проведенія этой реформы—суда присяжныхъ засѣдателей и расширеніе круга подвѣдомственныхъ этому суду дѣлъ.

2. Введеніе особаго суда для малолѣтнихъ преступниковъ.

3. Упраздненіе монополіи прокуратуры на возбужденіе уголовныхъ дѣлъ.

4. Широкая отвѣтственность чиновниковъ и государ-

ства за проступки, учиненные при отправленіи судебно-уголовныхъ обязанностей.

5. Отмѣна тайнаго инквизиціоннаго предварительнаго слѣдствія.

6. Отмѣна предварительнаго заключенія, какъ мѣры предупрежденія. Ограниченіе предварительнаго заключенія, какъ мѣры пресѣченія противъ уклоненія отъ суда, опредѣленными тяжкими преступленіями, при наличности конкретныхъ данныхъ, заключающихъ въ себѣ достаточныя основанія для подозрѣнія въ желаніи обвиняемаго уклониться отъ суда. Предоставленіе обвиняемому, находящемуся подъ слѣдствіемъ, права требовать себѣ защитника. Устраненіе всѣхъ ограниченій содержащагося подъ стражей, поскольку эти ограниченія выходятъ за предѣлы необходимаго лишенія свободы; допущеніе свободныхъ сношеній съ защитникомъ. Назначеніе скораго состязательнаго судебнаго разбирательства по поводу заключенія подъ стражу.

7. Недопустимость для суда произвольнаго сокращенія объема доказательствъ.

8. Предоставленіе осужденному права апелляціи во всѣхъ случаяхъ.

9. Вознагражденіе всѣхъ неправильно задержанныхъ и привлеченныхъ къ отвѣтственности, а также оправданныхъ и освобожденныхъ отъ суда.

Примѣчанія.

[1]). Стр. 36. § 95-й герм. угол. улож. гласитъ: „Виновный въ оскорбленіи (словами) своего монарха или главы того союзнаго государства, въ которомъ обвиняемый временно проживаетъ, наказывается тюремнымъ заключеніемъ срокомъ не менѣе, чѣмъ на 2 мѣсяца, или заключеніемъ въ крѣпость на срокъ отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 5-ти лѣтъ". Германское уложеніе находитъ недостаточными для защиты главы государства §§ 185—187, карающіе за оскорбленіе простого смертнаго и притомъ карающіе довольно строго. Въ примѣненіи къ § 95-му законъ видоизмѣняетъ также и само понятіе „оскорбленія": здѣсь (въ § 95-мъ),—говорится въ одномъ рѣшеніи верховнаго имперскаго суда (Entsch. d. Reichsgerichts B. 23, S. 347),—можетъ считаться оскорбленіемъ то, что не было бы имъ, если бы относилось къ частному лицу. Точно такъ же лицо, оскорбившее „величество", изъемлется изъ-подъ защиты §§ 186 и 193, т.-е. лишено возможности доказывать на судѣ правдивость своихъ словъ (если рѣчь идетъ о фактическомъ сообщеніи) или оправдываться необходимостью защиты своихъ правъ и т. п. Такимъ образомъ на дѣлѣ § 95-ый пресѣкаетъ всякое сужденіе—за исключеніемъ похвальнаго—объ особѣ монарха. Этотъ параграфъ можно было бы назвать параграфомъ для редакторовъ соц.-дем. газетъ, такъ какъ онъ примѣняется къ нимъ съ систематическою правильностью и безпощадною жестокостью. Такъ, около 3-хъ лѣтъ тому назадъ редакторъ Vorwärts'a угодилъ на полгода въ тюрьму за то, что допустилъ напечатаніе сообщенія, будто Вильгельмъ II устраиваетъ себѣ на одномъ изъ острововъ Балтійскаго моря укрѣпленный замокъ

куда бы онъ могъ спасаться въ случаѣ нужды отъ „возлюбленнаго народа“. Судъ усмотрѣлъ въ этомъ сообщеніи „оскорбленіе величества“...

[2]). Стр. 37. Здѣсь Гаазе имѣетъ, повидимому, въ виду § 130-й, карающій штрафомъ до 200 марокъ или тюремнымъ заключеніемъ до 2-хъ лѣтъ, за „публичное возбужденіе одного класса противъ другого“. Параграфъ 130-й представляетъ собою громадный козырь въ рукахъ прокуратуры, чтобы парализовать всякую дѣятельность соціалъ-демократіи. Въ самомъ дѣлѣ, что́ иное представляетъ собою эта дѣятельность, какъ не „возбужденіе“ классовъ пролетаріевъ противъ буржуазіи? Изъ доклада Гаазе читатель видитъ, что прокуратура и пользуется очень широко этимъ козыремъ. Любопытно однако отмѣтить слѣдующее обстоятельство. По смыслу закона, а также и на основаніи разъясненій верховнаго имперскаго суда, подъ „классомъ“ слѣдуетъ понимать не только соціально-экономическія единицы (буржуазная юстиція, разумѣется, не признаетъ соц.-дем. дѣленія общества на классы), но также и подраздѣленіе по вѣроисповѣданіямъ и т. д. Стало быть, подъ § 130-й должны подходить въ первую голову антисемитскіе агитаторы, выходки антисемитовъ въ печати, на собраніяхъ и т. д. Между тѣмъ не извѣстно почти ни одного случая, когда антисемитскія газеты привлекались бы по 130-му § за „возбужденіе“. Даже такой „истинно-нѣмецкій“ человѣкъ, какъ извѣстный всему Берлину полоумный графъ Пюклеръ, систематически призывающій на собраніяхъ своихъ „молодцовъ“ (Kerle) къ избіенію и истребленію „Менассіевъ“,—даже гр. Пюклеръ очень рѣдко испытываетъ на себѣ грозную силу 130-го §; если же онъ и попадаетъ иногда на скамью подсудимыхъ, то отдѣлывается самою низшею мѣрою наказанія.

[3]). Стр. 38. Параграфъ 131-й, трактующій о возбужденіи противъ авторитета государственной власти, формулированъ слѣдующимъ образомъ: „Виновный въ публичномъ сообщеніи или распростаненіи измышленныхъ или искаженныхъ фактовъ, о которыхъ онъ знаетъ, что они вымышлены или искажены, съ цѣлью вызвать презрѣніе къ государственнымъ учрежденіямъ или къ распоряженіямъ начальства (Anordnungun der Obrigkeit), наказы-

вается денежнымъ штрафомъ до 600 мар. или тюремнымъ заключеніемъ до 2-хъ лѣтъ". Здѣсь опять-таки выдѣлено въ особый параграфъ дѣяніе, предусмотрѣнное, въ сущности говоря, §-мъ 187-мъ (оклеветаніе). Это выдѣленіе имѣетъ, конечно, цѣлью болѣе строгое наказаніе. Однако, какъ читатель можетъ видѣть изъ формулировки этого параграфа, примѣненіе его, если бы не было того произвольнаго толкованія закона, о которомъ говоритъ Гаазе, было бы довольно затруднено. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы какое-нибудь сообщеніе могло содержать въ себѣ элементы преступленія по 131-му параграфу, оно должно обладать слѣдующими признаками: во-первыхъ, сообщеніе (позорящаго) факта, во-вторыхъ, вымыселъ или искаженіе, въ-третьихъ, сознательное отношеніе къ ложности сообщаемаго, въ-четвертыхъ, желаніе вызвать презрѣніе къ государственнымъ установленіямъ. Какими бы безнравственными людьми ни рисовались въ глазахъ бюргера соц.-демократы (а 131-й § примѣняется, конечно, почти исключительно къ соц.-демократамъ), какъ бы ни было у нихъ сильно желаніе „потрясать основы"—они никогда не способны совершить инкриминируемое 131-мъ § преступленіе. Если они тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ улавливаются въ сѣтяхъ „презрѣнія къ государственнымъ учрежденіямъ", то это объясняется исключительно недобросовѣстностью судовъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ числѣ государственныхъ учрежденій, опекаемыхъ 131-мъ §-омъ, не оказывается парламентъ, какъ представительное учрежденіе (Рѣшеніе верховнаго имперскаго суда. Entsch. d. Reichsger. B. 29, S. 319). Очевидно, авторитетъ полицейскаго участка въ глазахъ законодателя выше, чѣмъ достоинство народнаго представительства. Зато нѣкоторые „ученые" юристы (Белингъ, Ридингеръ) требовали включенія въ понятіе „государственныхъ учрежденій" семьи, брака, собственности...

[4]). Стр. 37. Подобныя апріорныя „допущенія" суда или закона извѣстны въ юриспруденціи подъ названіемъ „презумпцій". Въ докладѣ Гаазе рѣчь идетъ о praesumptio facti, т.-е. о фактическихъ апріорныхъ предпосылкахъ. Здѣсь законъ или судъ беретъ на себя роль психолога, истолковывая по-своему дѣйствія или мотивы преступле-

нія. Но еще большее зло или, пожалуй, бо́льшую несправедливость представляютъ собой такъ наз. praesumptio, nes juris, когда въ самомъ законѣ для извѣстныхъ категорій правонарушеній заранѣе устанавливаются извѣстныя, по мнѣнію законодателя, неизбѣжно и неразрывно связанныя съ даннымъ преступнымъ дѣяніемъ условія. Такъ, напр., 20-й § германскаго закона о печати возлагаетъ на редактора отвѣтственность за инкриминируемыя органу статьи, отнюдь не справляясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и не возлагая на судъ обязанности установить виновность редактора въ фактѣ напечатанія статьи. Точно такъ же презумируется вина лица, у котораго на таможнѣ находятъ подлежащія обложенію пошлиною вещи. Отрицательная сторона презумпцій заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ переносятъ необходимость доказательства—onus probandi—съ обвинителя на обвиняемаго: не́ судъ долженъ устанавливать фактъ редактированія редакторомъ той или иной статьи или сознательнаго утаиванія пассажиромъ подлежащей обложенію вещи, а наоборотъ.

[5]). Стр. 38. Законы о союзахъ и собраніяхъ, какъ и много другихъ законовъ (главнымъ образомъ изъ области административнаго права), регулируются въ Германіи не общеимперскимъ законодательствомъ, а партикулярными законодательствами каждаго изъ государствъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи. Отсюда, съ одной стороны, крайняя пестрота этихъ законовъ, съ другой стороны, ихъ чрезвычайно реакціонный характеръ (парламенты союзныхъ государствъ въ большинствѣ—Пруссія, Саксонія и др.—избираются не всеобщимъ, равнымъ и т. д. голосованіемъ, а по такъ наз. прусской трехклассной системѣ и вслѣдствіе этого отличаются своей реакціонностью). Такъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ (Пруссія) запрещается женщинамъ состоять членами политическихъ союзовъ, требуется предварительное заявленіе въ полицію о каждомъ собраніи, обязательно присутствіе на собраніяхъ полицейскаго чина и т. д. (съ этихъ законовъ скопированы наши знаменитыя „временныя правила“ 12-го декабря). Въ другихъ государствахъ (Гессенъ, Баденъ) законодательство—болѣе либеральное. Въ общемъ

полной свободы союзовъ и собраній не существуетъ, а та свобода, которая есть, въ значительной степени парализуется тѣмъ, что союзы и собранія отданы въ вѣдѣніе полиціи и почти изъяты изъ сферы компетенціи общаго суда. Приведу для примѣра тѣ опредѣленія о союзахъ, которыя содержатся въ гражданскомъ кодексѣ, гдѣ вопросъ регулируется главнымъ образомъ со стороны гражданской — съ точки зрѣнія опредѣленія союзовъ, какъ юридическихъ лицъ. Здѣсь всѣ союзы дѣлятся прежде всего на политическіе и неполитическіе. И тѣ и другіе заявляются въ окружномъ судѣ, гдѣ имъ ведется регистрація. Если союзъ, зарегистрированный, какъ не политическій, начинаетъ заниматься политической дѣятельностью, то онъ можетъ быть лишенъ своей „правоспособности“, т.-е., другими словами, закрытъ. То же самое бываетъ, когда союзъ, „угрожаетъ общественному благу“ какими-нибудь незаконными рѣшеніями общаго собранія или поведеніемъ своего правленія. О всякомъ зарегистрированномъ союзѣ судъ сообщаетъ мѣстной полиціи, которая можетъ опротестовать постановленіе суда о разрѣшеніи союза, когда послѣдній преслѣдуетъ „политическія, соціально-политическія или религіозныя цѣли“; при этомъ судъ не можетъ разрѣшить союза до истеченія 6-тинедѣльнаго срока со дня извѣщенія о немъ полиціи. Наконецъ, всѣ тяжбы по дѣламъ о союзахъ разрѣшаются не общими, а административными судами *).

⁶). Стр. 38. Германскіе законы о печати также не отличаются большимъ либерализмомъ. Самымъ положительнымъ въ этихъ законахъ является то, что они опредѣленно воспрещаютъ закрытіе или пріостановленіе какого-нибудь органа печати (рейхстагу не безъ труда удалось вырвать у правительственнаго законопроекта параграфъ, устанавливающій это). Зато здѣсь имѣются такіе „пещерные“ институты, какъ конфискація, которая производится полиціей, запрещеніе воззваній въ прессѣ съ призывомъ къ пожертвованіямъ въ пользу осужденныхъ за какія-нибудь преступленія лицъ, наконецъ, поистинѣ драконовская отвѣтственность редакторовъ **).

*) Bürgerliches Gesetzbuch, §§ 43, 44, 61, 63.

**) §§ 4, 16, 20, 21, 23 и сл. закона о печати (Reichspressgesetz).

За преступленія, совершенныя путемъ печати, виновные несутъ наказанія по обще-уголовнымъ законамъ. А каковы эти законы—въ этомъ можно убѣдиться изъ всего вышесказаннаго. Замѣтимъ еще, что печать изъемлется изъ сферы дѣйствующихъ законовъ и подчиняется спеціальнымъ узаконеніямъ, во время войны, при объявленіи военнаго или осаднаго положенія или во время „внутреннихъ волненій (!)“... *). Совсѣмъ по-россійски!

7). Стр. 39. Параграфъ о „грубомъ безчинствѣ (§ 360[11] угол. улож.) гласитъ такъ: „Виновный въ томъ, что нарушаетъ спокойствіе шумомъ или совершаетъ грубое безчинство, подвергается штрафу до 150-ти марокъ или аресту“. Уже изъ одного сопостановленія этихъ двухъ „преступленій“, т.-е. возбужденія шума и грубаго безчинства, видно, что подъ грубымъ безчинствомъ здѣсь, по точному смыслу закона, надо подразумѣвать „безчинство“, какъ таковое, т.-е. неприличное поведеніе на публикѣ, какъ, напр., задѣваніе прохожихъ, пьяное пѣніе, громкія и грубыя ругательства, отправленіе естественныхъ надобностей и т. п. Для всякаго такимъ образомъ должно быть ясно, что въ § 360[11] нѣтъ и не можетъ быть ни крупицы „политики“. Это законъ, направленный просто къ охраненію тишины и спокойствія. Несмотря на все это, „цеховые“ юристы долго ломали—и ломаютъ—себѣ голову надъ этимъ параграфомъ, придумывая для него всевозможныя толкованія **). А верховный имперскій судъ, вслѣдъ за низшими инстанціями, приспособилъ этотъ параграфъ о грубомъ безчинствѣ для борьбы... съ соціалъ-демократами. Такъ, въ одномъ изъ рѣшеній верховнаго суда прямо говорится: „Грубымъ безчинствомъ могутъ быть также соціалъ-демократическія манифестаціи (sic), особенно съ демонстративнымъ несеніемъ красныхъ знаменъ (!!)“ (Entsch. d. Reichsger., B. 23, S. 208). Другое рѣшеніе (Entsch. des Reichsger. B. 27, S. 292) подводитъ подъ „грубое безчинство“, между прочимъ, также и... бойкотъ!

8). Стр. 40. „Законъ противъ соціалистовъ“ соста-

---

*) Тамъ же, § 30.

**) См., напр., цит. сочиненіе Листа, стр. 628—29 и примѣч. 10 тамъ же.

вляетъ, пожалуй, одну изъ самыхъ позорныхъ страницъ въ исторіи буржуазнаго хозяйничанья въ Германіи. Онъ явился покаяніемъ Бисмарка въ его заигрываніи съ рабочимъ классомъ, изъ котораго „желѣзный канцлеръ“ хотѣлъ было вначалѣ при помощи всеобщаго избирательнаго права сдѣлать пугало противъ фрондировавшей еще тогда (въ 1870 г.) буржуазіи, но который впослѣдствіи жестоко обманулъ его надежды, введя въ рейхстагъ соціалъ-демократовъ. Оффиціально законъ противъ соціалистовъ былъ отвѣтомъ на покушеніе противъ Вильгельма I, но покушеніе это, какъ и цѣлый рядъ другихъ, было провокаціонное и спеціально устроенное для введенія новаго „закона“. Не имѣя здѣсь возможности касаться подробно закона противъ соціалистовъ, приведемъ для иллюстраціи нѣкоторыя положенія этого закона, касавшіяся печати. „Законъ“ не только упразднялъ приведенный выше § 4-й „Закона о печати“, запрещающій прекращеніе періодическаго изданія, но предоставилъ наложеніе этого запрещенія, помимо судовъ, также и полиціи. Послѣдняя имѣла право не допускать въ любомъ мѣстѣ распространенія какого бы то ни было,—не запрещеннаго,—изданія или даже вообще розничную продажу періодическихъ изданій. Далѣе, судъ могъ запретить содержаніе книжныхъ магазиновъ, библіотекъ и т. п. лицамъ, „занимающимся агитаціей и пропагандой соціалъ-демократическихъ, соціалистическихъ или коммунистическихъ идей“ и т. д. *). Изъ этого примѣра между, прочимъ, видно еще разъ, что положительно нѣтъ ничего новаго подъ луною, и не новы также наши теперешніе, какъ обще-конституціонные, такъ и частно-сатрапскіе законы о печати и др. Результаты закона противъ соціалистовъ получились нѣсколько неожиданные: соціалъ-демократія была, правда, загнана въ подполье, но число соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ не только не уменьшилось, но даже увеличилось, и также росло число профессіональныхъ союзовъ. Все это и заставило въ 1890 г. германское правительство отмѣнить этотъ законъ, который просуществовалъ такимъ образомъ около 12-ти лѣтъ.

*) Sozialistengesetz, §§ 17—20, 23—25.

Интересующіеся „Закономъ противъ соціалистовъ“ могутъ подробнѣе познакомиться съ нимъ изъ брошюры Р. Вѣровой: „Законъ противъ соціалистовъ въ Германіи“. Это, кажется, единственная работа по этому вопросу въ русской литературѣ. Къ сожалѣнію, брошюра эта написана лицомъ, повидимому, мало знакомымъ съ юридической стороной „Закона противъ соціалистовъ“.

[9]). Стр. 42. Примѣненіе къ стачечникамъ закона противъ вымогательства (Erpressung) является поистинѣ чудовищнымъ толкованіемъ закона и выдающимся образчикомъ современнаго германскаго правосудія. По существу, по точному смыслу, по буквѣ, наконецъ, по мѣсту, которое занимаетъ § 253 (о вымогательствѣ) въ угол. полож. (въ отдѣлѣ преступленій противъ собственности), до очевидности ясно, что въ этомъ законѣ рѣчь идетъ исключительно объ уголовномъ преступленіи, и при томъ имущественнаго характера. Статья 253-я формулирована такъ: „Виновный въ томъ, что онъ для достиженія *противузаконныхъ имущественныхъ выгодъ* вынуждаетъ другого путемъ насилія или угрозъ къ какому-нибудь дѣйствію или упущенію, наказывается за вымогательство заключеніемъ въ тюрьмѣ срокомъ не менѣе какъ на 1 мѣсяцъ“. Формулировка закона настолько безукоризненно ясна, что, казалось бы, она не допускаетъ двухъ толкованій. Въ самомъ дѣлѣ, основными элементами преступленія, предусмотрѣннаго 253-омъ §-мъ является, во-первыхъ, противузаконность дѣйствія, и, во-вторыхъ, стремленіе къ достиженію имущественныхъ выгодъ. Что въ угрозѣ стачкою за неувольненіе черносотеннаго рабочаго и т. п. нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ стремленія къ матеріальному обогащенію—это не требуетъ доказательствъ. Но не менѣе ясно, что во всякихъ подобныхъ угрозахъ нѣтъ элементовъ противузаконности. Несмотря на эту очевидность, верховный имперскій судъ сумѣлъ истолковать и этотъ параграфъ въ смыслѣ желательномъ для буржуазныхъ предпринимателей. Такъ, одно рѣшеніе этого суда считаетъ необходимымъ и достаточнымъ для наличности „стремленія къ матеріальному обогащенію“ желаніе „увеличить чужое богатство (читай: чувство солидарности при стачкѣ) или, по крайней мѣрѣ, добиться улучшенія своего матеріальнаго поло-

женія въ смыслѣ реализаціи правъ (!!)". Другое рѣшеніе ставитъ прямо точку надъ і, толкуя какъ стремленіе къ матеріальному обогащенію, „требованіе объ обратномъ принятіи уволенныхъ рабочихъ или о не увольненіи рабочихъ въ теченіе опредѣленнаго срока или же прекращеніе работъ". Дальше въ подобнаго рода „правосудіи" идти, конечно, некуда.

[10]). Стр. 43. Бреславльскій процессъ, о которомъ говоритъ здѣсь и дальше Гаазе, имѣетъ свою исторію, крайне характерную какъ для методовъ и пріемовъ борьбы нѣмецкой буржуазіи съ рабочими, такъ и для германской юстиціи. Дѣло началось въ Бреславлѣ, зимою 1905 г., съ небольшой стачки на почвѣ экономическихъ требованій. Предприниматели, какъ это водится у нихъ въ послѣднее время, отвѣтили на эту стачку угрозой такъ наз. Aussperrungen, т.-е. массовыхъ увольненій рабочихъ. Угроза подѣйствовала: забастовали почти всѣ заводы, и стачка приняла громадные размѣры. Власти рѣшили покончить съ нею однимъ ударомъ и для этого провоцировали въ одинъ прекрасный день демонстрацію стачечниковъ: когда послѣдніе, собравшись около фабричныхъ зданій, поджидали штрейкбрехеровъ, чтобы попытаться воздѣйствовать на нихъ и заставить примкнуть къ стачкѣ, полиція повела себя такъ вызывающе, что раздраженные рабочіе не могли удержаться отъ криковъ, свистковъ и т. п. Этого только и нужно было полиціи: она бросилась на безоружныхъ рабочихъ, и въ воздухѣ засверкали шашки, и заработали копыта лошадей. Рабочіе бросились бѣжать, полицейскіе долго преслѣдовали ихъ, а одинъ изъ нихъ погнался даже за проходившимъ мирно рабочимъ и, ворвавшись къ нему въ домъ, отрубилъ ему руку. Въ результатѣ— судебный процессъ, но, конечно, не противъ предпринимателей, *угрожавшихъ* рабочимъ массовыми увольненіями, и не противъ безчинствовавшей полиціи, а противъ тѣхъ же пострадавшихъ и безъ того стачечниковъ. Такъ дѣлается юстиція въ современной Германіи.

[11]). Стр. 48. Чтобы понять все іезуитское значеніе 153-го параграфа „Устава о промышленности" (Reichsgewerbeordnung), необходимо сопоставить его съ предшествующимъ ему § 152-мъ того же закона. Вотъ содержаніе обо-

ихъ параграфовъ: „Отмѣняются всѣ законы, запрещающіе промышленникамъ, ремесленнымъ подмастерьямъ и мастерамъ, а также фабричнымъ рабочимъ сговариваться между собою и объединяться въ цѣляхъ достиженія лучшихъ условій работы и болѣе высокой заработной платы, спеціально черезъ прекращеніе работъ или увольненіе рабочихъ“ (§ 152, 1-й абзацъ). „Всякій, побуждающій или пытающійся побудить другихъ путемъ употребленія физическаго насилія, угрозъ, оскорбленія чести или объявленія бойкота (Verrufserklärung), принимать участіе въ подобныхъ соединеніяхъ (§ 152), а равно всякій, кто препятствуетъ или пытается воспрепятствовать, при помощи тѣхъ же средствъ, отказываться отъ подобныхъ соглашеній, наказывается заключеніемъ въ тюрьму до 3-хъ мѣсяцевъ, если нѣтъ основаній для примѣненія болѣе строгаго наказанія на основаніи обще-уголовныхъ законовъ (§ 153). Итакъ, § 152 провозглашаетъ свободу стачекъ, а § 153 фактически упраздняетъ эту свободу, такъ какъ для всякаго ясно, что въ каждой стачкѣ имѣются всегда „руководители“ и „зачинщики“, „побуждающіе“ или „пытающіеся побудить“, что для полиціи или прокуратуры ровно ничего не стоитъ выхватить десятокъ-другой такихъ „зачинщиковъ“ и, посадивъ ихъ на скамью подсудимыхъ, обречь заранѣе стачку на неудачу. Любопытно еще, что, отнимая у рабочихъ правою рукою то, что онъ имъ даетъ лѣвою, законъ тѣмъ не менѣе опасается обижать промышленниковъ и провозглашаетъ съ этой цѣлью въ 152-мъ § принципъ фритредерства: что для рабочихъ, то и для предпринимателей!... Но законодатель отказывается отъ этого принципа, когда выворачиваетъ на изнанку „свободу стачекъ“. § 153 обрушивается, какъ мы видѣли, всецѣло на рабочихъ, не задѣвая предпринимателей. На помощь закону приходитъ суденбая практика, и въ результатѣ получается то положеніе вещей, которое рисуетъ въ своемъ докладѣ Гаазе: почти всякая стачка имѣетъ свой финалъ для рабочихъ въ залѣ суда, между тѣмъ какъ предприниматели совершенно безнаказанно примѣняютъ и систему Aussperrungen и другія нелегальныя средства, прямо предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ.

[12]). Стр. 46. „Стачечные посты“ (Streikpostenstehen)—

продуктъ сравнительно новѣйшаго времени. Они соотвѣтствуютъ приблизительно практикующемуся у насъ во время стачекъ „сниманію съ работы“, съ тою разницей, что „стачечные посты“ имѣютъ цѣлью исключительно воздѣйствіе на штрейкбрехеровъ. Эти посты устраиваются обыкновенно возлѣ бастующихъ промышленныхъ заведеній. На обязанности стоящихъ на постахъ лежитъ слѣдить за тѣмъ, чтобы наименѣе стойкіе товарищи не поддавались соблазнамъ хозяевъ и не становились на работу, а также подстерегать выходящихъ изъ фабрики штрейкбрехеровъ и пытаться вести среди нихъ агитацію. Въ послѣдніе годы, когда во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ стачкахъ на помощь промышленникамъ приходитъ полиція, старательно оберегающая штрейкбрехеровъ отъ соприкосновенія съ бастующими товарищами (штрейкбрехеры или не выпускаются вовсе изъ помѣщеній заводовъ и фабрикъ, куда полицейскіе приносятъ имъ обѣдъ, постели и т. д., или эскортируются при выходѣ на улицу цѣлымъ отрядомъ пѣшей и конной полиціи; начало этому новому институту было положено во время грандіозной забастовки рабочихъ берлинскихъ электрическихъ заводовъ, осенью 1905 г., и съ тѣхъ поръ онъ прочно укрѣпился), стачечные посты являются прямо необходимостью. Такъ какъ уголовный кодексъ не могъ предусмотрѣть этихъ постовъ, а благодаря поразительной дисциплинированности нѣмецкихъ рабочихъ, никакія провокаціи полиціи не могутъ вызвать стоящихъ на постахъ на насильственныя дѣйствія, то примѣняется тотъ нелѣпый и возмутительный способъ борьбы съ ними, который приводитъ Гаазе: стоящіе на постахъ разгоняются, какъ якобы „нарушающіе общественную тишину“ или „мѣшающіе уличному движенію“. И все это продѣлывается... „на законномъ основаніи“.

[13]). Стр. 49. § 123i-й, карающій за „нарушеніе домашняго очага“ (Hausfriedensbruch) носитъ такой же чисто уголовный характеръ, какъ и приведенный выше (примѣч. 9) § 253 о вымогательствѣ. И здѣсь, какъ и тамъ объ этомъ свидѣтельствуетъ уже мѣсто, занимаемое этимъ параграфомъ въ уголовномъ уложеніи: онъ открываетъ собою отдѣлъ преступленій противъ „общественнаго порядка“, а слѣдующій за нимъ параграфъ говоритъ о *погромахъ*,

да и третій абзацъ *того же* 123-ю § разсматриваетъ квалифицированный случай перваго абзаца, когда „нарушеніе домашняго очага“ совершается сообща нѣсколькими лицами, носящими при себѣ оружіе. Листъ въ своемъ учебникѣ уголовнаго права (стр. 403—4) соединяетъ первый и третій абзацы § 123 и § 124, дѣля „нарушеніе домашняго очага“ на три степени: простое нарушеніе (первый абзацъ 123 §), болѣе тяжелая форма такого нарушенія (третій абзацъ) и самая тяжелая форма (§ 124). Уже изъ сказаннаго видно, что *по смыслу* закона примѣненіе 123-го § къ мирнымъ агитаторамъ, отправляющимся на домъ къ товарищу, чтобы переговорить съ нимъ о своихъ профессіональныхъ нуждахъ, является юридическимъ абсурдомъ. Но противъ такого примѣненія закона о „нарушеніи домашняго очага“ говоритъ также и *буква* закона. Согласно § 123 для наличности состава преступленія здѣсь необходимо *„противузаконное проникновеніе“* (Eindringen) въ домъ или „не удаленіе по требованію хозяина“. Ясно, что здѣсь имѣются въ виду прежде всего насильственныя дѣйствія (проникновеніе, а не простой приходъ!) и притомъ противозаконное. Ни одного изъ этихъ признаковъ не бываетъ и не можетъ быть въ случаяхъ, о которыхъ сообщаетъ Гаазе.

[14]). Стр. 49. Устройство уголовнаго суда въ Германіи представляется въ слѣдующемъ видѣ *). Судебная власть независима и подчиняется только тѣмъ нормамъ, которыя установлены въ самомъ законѣ. Несмѣняемость судей не выражена ясно въ законѣ, но она, повидимому, подразумѣвается. Всѣ суды дѣлятся на 4 категоріи: *мѣстные* (Amtsgericht), *окружные* (Landgericht), *судебныя палаты* (Oberlandesgerichte, высшій судъ для каждаго даннаго государства) и *верховный имперскій судъ* (Reichsgericht). Изъ нихъ судебныя палаты, въ составѣ предсѣдателя и неопредѣленнаго числа членовъ изъ сенаторовъ и совѣтниковъ, являются только апелляціонной и кассаціонной инстанціей, но никогда не первой. Уголовный судъ подраздѣляется еще слѣдующимъ образомъ: *судъ шеффеновъ* (Schöffengericht, при мѣстныхъ

*) Gerichtsverfassungsgesetz §§ 1, 12, 25—27, 30, 31, 33, 34, 58, 59, 72—75, 79—81, 85, 119, 123, 126, 127, 136.

судахъ—Amtsgericht), *уголовная камера* (Strafkammer) и *судъ присяжныхъ* (оба послѣднихъ при окружномъ судѣ—Landgericht) и, наконецъ, *уголовный департаментъ имперскаго суда* (въ Лейпцигѣ). Между этими судами всѣ уголовныя дѣла распредѣляются по степени ихъ важности (главнымъ признакомъ является мѣра наказанія) слѣдующимъ образомъ:

1. *Судъ шеффеновъ* компетентенъ:

a) для всѣхъ „нарушеній“;

b) для такихъ „проступковъ“, которыя караются заключеніемъ въ тюрьмѣ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ;

c) въ дѣлахъ о мелкихъ дракахъ и оскорбленіяхъ;

d) въ дѣлахъ о незначительныхъ кражахъ, случаяхъ незначительнаго укрывательства, обмана и т. д.

2. Компетенція *уголовныхъ камеръ* простирается:

a) по всѣмъ „проступкамъ“, изъятымъ изъ вѣдѣнія суда шеффеновъ (т.-е. фактически по преобладающему большинству изъ нихъ);

b) по всѣмъ „преступленіямъ“, караемымъ не свыше, чѣмъ пятилѣтней каторгой;

c) по дѣламъ о малолѣтнихъ преступникахъ;

d) по дѣламъ о крупныхъ (и квалифицированныхъ) кражахъ, укрывательствѣ, обманѣ и т. д.;

e) въ рукахъ уголовныхъ камеръ находится веденіе слѣдствія по большинству важнѣйшихъ проступковъ и преступленій;

f) по всѣмъ преступленіямъ по финансовымъ операціямъ;

g) по преступленіямъ противъ нравственности.

3. *Суду присяжныхъ* подлежатъ всѣ дѣла, не подвѣдомственныя уголовнымъ камерамъ и верховному имперскому суду, т.-е. такія дѣла, по которымъ наказаніемъ является каторга свыше 5-ти лѣтъ или смертная казнь, за исключеніемъ, впрочемъ, одной категоріи дѣлъ, разсматриваемыхъ

4. *Уголовнымъ департаментомъ* верховнаго имперскаго суда. Сюда относятся большинство дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Какъ видно уже изъ этого краткаго обзора большая часть всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ дѣлъ сосредоточена въ уголовныхъ камерахъ и въ верховномъ импер-

скомъ судѣ. Суду присяжныхъ отведено самое скромное мѣсто, и изъ него спеціально изъяты всѣ „политическія“ дѣла. Чтобы лучше понять значеніе этого распредѣленія, намъ необходимо познакомиться съ составомъ всѣхъ четырехъ типовъ суда. Въ уголовныхъ камерахъ и верховномъ имперскомъ судѣ элементъ „постороннихъ“ (Laien), т.-е. не юристовъ, не чиновниковъ, совершенно устраненъ. Первыя состоятъ изъ предсѣдателя и пяти членовъ или „директоровъ“, второй—изъ президента и сенаторовъ или совѣтниковъ, назначаемыхъ императоромъ. Это—въ чистомъ видѣ коронные суды. Переходную ступень между этими бюрократическими судами и „народнымъ“ судомъ—присяжныхъ, образуетъ судъ шеффеновъ. Онъ состоитъ изъ одного короннаго судьи и двухъ шеффеновъ, т.-е. постороннихъ лицъ, при чемъ послѣдніе, въ отличіе отъ присяжныхъ засѣдателей, разсматриваютъ дѣло отъ начала и до конца въ одной коллегіи съ короннымъ судьею. Шеффены, какъ и присяжные, назначаются изъ лицъ неопороченныхъ по суду, достигшихъ 30-лѣтняго возраста; шеффенами и присяжными не могутъ быть: министры, лица, состоящія на государственной службѣ, а также полицейскіе, военные, церковнослужители, народные учителя. Кромѣ того, нельзя быть шеффеномъ или присяжнымъ засѣдателемъ, не проживши въ данномъ мѣстѣ 2 года или пользуясь общественной благотворительностью, наконецъ, исключается также и прислуга. Послѣднія перечисленныя требованія и ограниченія исключаютъ фактически изъ круга шеффеновъ и присяжныхъ большую массу пролетаріата.

Судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разсматриваетъ дѣло въ двухъ коллегіяхъ, какъ и у насъ въ Россіи: коронные судьи въ составѣ предсѣдателя и 2 членовъ и жюри присяжныхъ засѣдателей въ составѣ 12. Коллегія присяжныхъ засѣдателей по каждому данному дѣлу постановляетъ безъ мотивовъ приговоръ (вердиктъ) о виновности или невиновности, коллегія коронныхъ судей постановляетъ, на основаніи приговора присяжныхъ засѣдателей, мотивированный приговоръ о наказаніи или оправданіи.

Послѣ сказаннаго читатель окончательно убѣдится,

что между нашимъ устройствомъ судовъ и германскимъ не существуетъ большой разницы, т.-е. и здѣсь и тамъ о „народномъ“ судѣ неможетъ быть и рѣчи. Несмотря на такую узкую сферу компетенціи суда присяжныхъ, въ послѣдніе годы замѣчается среди „цеховыхъ“ юристовъ Германіи сильное теченіе въ пользу совершеннаго упраздненія института присяжныхъ засѣдателей (начало этому движенію было положено Руд. Іерингомъ). Такой же походъ противъ суда присяжныхъ былъ, какъ извѣстно, поднятъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и нашими бюрократами, которые при всей своей „самобытности“ не прочь позаимствовать у „гнилого Запада“ всѣ наиболѣе гнилыя учрежденія и теченія.

[15]). Стр. 57 Ни въ угол. улож., ни въ уставѣ уголовнаго судопроизводства Германіи вовсе не упоминается о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ неправильнаго привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности. Законъ о вознагражденіи такихъ лицъ былъ созданъ только спустя 27 лѣтъ (въ 1898 г.) послѣ вступленія въ силу дѣйствующаго нынѣ уголовнаго кодекса. Но и этотъ новый спеціальный законъ *) оказывается крайне неудовлетворительнымъ и, какъ показываетъ уже его названіе, охватываетъ чрезвычайно небольшой кругъ лицъ, преимущественно такъ наз. „жертвы судебныхъ ошибокъ“. Вознагражденія изъ государственной кассы „могутъ требовать лица, оправданныя при вторичномъ разбирательствѣ дѣла, или подвергнутыя при этомъ разбирательствѣ менѣе тяжкому наказанію, если присужденное имъ при первомъ разборѣ дѣла наказаніе полностью или отчасти уже приведено въ исполненіе“. Случаи вторичнаго возбужденія дѣла, вслѣдствіе обнаружившейся судебной ошибки (а законъ имѣетъ въ виду только именно такіе случаи, но отнюдь не отмѣну приговора апелляціонною или кассаціонною инстанціями), разумѣется, очень рѣдки. Но помимо этого, даже въ указанномъ въ законѣ случаѣ полученіе вознагражденія обставлено довольно сложными формальностями: подача заявленія въ трехмѣсячный срокъ, необходимость особаго судебнаго приго-

*) Gesetz betreffend die Entschädigung der im Wiederaufnahmeverfahren freigesprochenen Personen, vom 20. Mai, 1898. §§ 1 и 5.

вора и т. д. Такъ что въ итогѣ новый законъ о вознагражденіи оставилъ почти все по-старому.

[16]). Стр. 58. Мы не можемъ согласиться съ высказываемымъ Гаазе desideratum'омъ объ упраздненіи „монополіи прокураторы на возбужденіе уголовныхъ дѣлъ". Уничтоженіе прокуратуры—а Гаазе имѣетъ, повидимому, въ виду именно такое упраздненіе—вернуло бы насъ ко временамъ „инквизиціоннаго процесса", противъ котораго такъ возстаетъ—съ полнымъ основаніемъ—самъ Гаазе. Идея, легшая въ основаніе института прокуратуры, по существу очень здоровая: прокуроръ является представителемъ интересовъ государства на судѣ и блюстителемъ дѣйствующаго публичнаго права. На его обязанности лежитъ слѣдить за проявленіями преступныхъ дѣйствій и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности или же, если онъ не находитъ для этого достаточно основаній, освобождать ихъ отъ преслѣдованія. Такимъ образомъ, во-первыхъ, *возбужденіе* уголовныхъ дѣлъ (но отнюдь не заявленіе о совершенномъ преступленіи, такъ какъ такое заявленіе можетъ быть сдѣлано каждымъ) изъято изъ рукъ сутяжниковъ и кляузниковъ, которыхъ въ современномъ обществѣ очень много и которые безконечно обременяли бы судъ своими жалобами, часто имѣющими цѣлью отомстить какому-нибудь непріятному лицу и „потаскать" его по судамъ; во-вторыхъ, государство всегда увѣрено, что ни одно преступленіе не останется ненаказаннымъ. Практиковавшаяся до введенія прокуратуры (она введена первоначально во Франціи и привилась почти во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи) *actio populis*—„народная жалоба", можетъ быть сдѣлается опять самою совершенною формою уголовнаго преслѣдованія со временемъ, когда измѣнятся кореннымъ образомъ всѣ существующія условія и весь теперешній строй; теперь actio populis вела бы только, какъ намъ думается, къ цѣлому ряду злоупотребленій. Нельзя, конечно, оспаривать, что теперешняя прокуратора, проникнутая насквозь бюрократизмомъ и интересами господствующихъ классовъ, въ рѣдкихъ случаяхъ стоитъ на высотѣ своего призванія. Можно, пожалуй, также желать замѣны единоличнаго прокурора судебно-прокурорской коллегіей. Но все это—со всѣмъ не то, о чемъ го-

воритъ Гаазе, требуя уничтоженія самой „монополіи“ на возбужденіе уголовныхъ дѣлъ.

[17]). Стр. 64. Сфера примѣненія смертной казни въ германскóмъ угол. улож., какъ и въ русскомъ, преимущественно политическая. Къ смертной казни присуждается убійца главы государства или *покушавшійся* на такое убійство (§ 80); далѣе карается смертью злонамѣренное употребленіе взрывчатыхъ веществъ, если это употребленіе ведетъ за собой убійство человѣка. (Законъ о взрывчатыхъ веществахъ—Gesetz gegen den verbrecherischen und gemeingefährlichen Gebrauch von Sprengstoffen, vom 9. Juni 1884, § 53). Наконецъ, въ видѣ наказанія за большинство политическихъ и „общеопасныхъ преступленій“ смертная казнь замѣняетъ остальныя—менѣе тяжкія формы наказанія—при существованіи военнаго или осаднаго положенія (послѣднее объявляется, согласно 68 ст. германской конституціи, германскимъ императоромъ, который руководствуется при этомъ, за отсутствіемъ до настоящаго времени общеимперскаго закона, спеціальнымъ прусскимъ закономъ отъ... 1851 года). Какъ наказаніе за уголовное преступленіе, смертная казнь примѣняется только въ одномъ случаѣ, который предусмотрѣнъ 211-мъ § угол. улож.—за убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ (Mord mit Überlegung). Надо отдать справедливость нѣмецкимъ судамъ (судъ присяжныхъ!): они очень рѣдко примѣняютъ къ убійцамъ 211-ый §, хотя не проходитъ все-таки года, чтобы въ Германіи не совершались двѣ-три казни по суду за убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ (на 100 судебныхъ приговоровъ приходится въ Германіи 0,01 смертныхъ).

Введеніе въ угол. улож. смертной казни было насильственно навязано рейхстагу правительствомъ при обсужденіи новаго кодекса въ 1870 г. Въ первомъ чтеніи закона рейхстагъ отвергъ смертную казнь 118-ю голосами противъ 81. Тогда правительство устами тогдашняго мин. юстиціи Леонгардта заявило, что если рейхстагъ не согласится на включеніе смертной казни въ законопроектъ, то оно возьметъ послѣдній обратно. Это было прямо терроризированіе народныхъ представителей. Но послѣдніе все еще не сдавались. Понадобилась длинная рѣчь Бисмарка, чтобы смертная казнь была принята большин-

ствомъ 8 голосовъ (127 противъ 119). Такимъ образомъ, этотъ позорный для современнаго государства видъ наказанія былъ введенъ вопреки волѣ большинства народа и притомъ въ такихъ странахъ (Ангальтъ, Ольденбургъ и др.), гдѣ смертная казнь была до того отмѣнена.

[18]). Стр. 65. До сихъ поръ мы видѣли, какъ германская классовая юстиція не останавливается передъ самымъ широкимъ „распространительнымъ“ толкованіемъ законовъ, когда ей приходится имѣть дѣло съ рабочими и съ представителями враждебнаго ей класса. Здѣсь Гаазе приводитъ яркій примѣръ того, какъ эта самая юстиція отказывается не только отъ толкованія, но и просто отъ примѣненія—очень ясныхъ и безъ комментаріевъ—законовъ, когда послѣдніе затрагиваютъ интересы господствующихъ классовъ. Такъ въ германскомъ угол. улож. имѣются такія двѣ статьи: § 222: „Заключенію въ тюрьмѣ до трехъ лѣтъ подвергается всякій, кто своей оплошностью (Fahrlässigkeit, собственно небрежность) причиняетъ другому смерть.—Если дѣйствующее лицо, въ силу занимаемой имъ должности, своихъ занятій или *промысла*, обязано соблюдать особенную осторожность, то наказаніе можетъ быть увеличено до пяти лѣтъ тюремнаго заключенія“. § 230: „Къ штрафу до 900 мар. или заключенію въ тюрьмѣ до 2-хъ лѣтъ приговаривается всякій, кто своею оплошностью причиняетъ другому физическія поврежденія.—Если дѣйствующее лицо въ силу занимаемой имъ должности, своихъ занятій или промысла и т. д..., то наказаніе можетъ быть увеличено до 3 лѣтъ тюремнаго заключенія“. Не надо быть юристомъ, чтобы видѣть, что приведенные параграфы прямо предусматриваютъ случаи смерти или увѣчья рабочихъ, происшедшіе по оплошности хозяевъ, такъ какъ если и не прямо, то косвенно въ подавляющемъ большинствѣ несчастныхъ случаевъ съ рабочими вина падаетъ на хозяевъ или на ихъ замѣстителей—директоровъ, мастеровъ и т. д. Несмотря на это, почти неизвѣстно случая, когда судъ примѣнялъ бы къ хозяевамъ эти ясныя до очевидности статьи закона. Уже одинъ этотъ фактъ достаточно говоритъ о характерѣ современнаго правосудія въ Германіи.

[19]). Стр. 69 Угол. улож. слѣдующимъ образомъ регулируетъ вопросъ о малолѣтнихъ преступникахъ:

1. Если преступникъ не достигъ 12 лѣтъ, то онъ освобождается отъ всякаго наказанія (§ 55[1]).

2. То же самое относится къ преступнику въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ, если онъ „при совершеніи преступленія не обладалъ достаточнымъ разумѣніемъ, чтобы понять наказуемость своего дѣянія“ (§ 56[1]).

3. Въ случаяхъ 1 и 2 по отношенію къ оправданнымъ малолѣтнимъ преступникамъ могутъ быть, по приговору суда, приняты „мѣры улучшенія и надзора“, въ частности—помѣщеніе въ исправительное учрежденіе (§§ 55[2] и 56[2]).

4. Не подходящіе подъ пп. 1 и 2 малолѣтніе преступники приговариваются:

a) въ замѣну смертной казни или пожизненной каторги, къ тюремному заключенію срокомъ отъ 3 до 15 лѣтъ;

b) такъ же замѣняется пожизненное заключеніе въ крѣпости;

c) въ замѣну наказанія за „проступокъ“ или „нарушеніе“—къ отдачѣ на поруки;

d) лишенію правъ или отдачѣ подъ надзоръ полиціи малолѣтніе вообще не могутъ подвергаться (§ 57[1]).

5. Малолѣтніе преступники отбываютъ наказаніе въ особыхъ исправительныхъ тюрьмахъ (§ 57[2]).

Это законодательство далеко отъ идеала, особенно если мы вспомнимъ, что германское уголовное судопроизводство подчиняетъ всѣ дѣла о малолѣтнихъ преступникахъ суду уголовной камеры, т.-е. довѣряетъ судьбу этихъ преступниковъ только чиновникамъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что современная педагогическая психологія съ полнымъ правомъ требуетъ вообще изъятія малолѣтнихъ преступниковъ изъ сферы уголовно-карательнаго воздѣйствія и передачи ихъ въ руки общественно-воспитательныхъ учрежденій.

Изданія С. Н. ГАВРИЛОВА.

1) Всеобщая политическая забастовка на Маннгеймскомъ партейтагѣ. Рѣчи Бебеля, Каутскаго, Люксембургъ и др. Ц. 25 к.

2) Гаазе. Классовое правосудіе. Ц. 30 к.

Цѣна **30** коп.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ „Развитіе“: Москва, Арбатъ, д. Платонова. Телеф. 112-73.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

ТИПО-ЛИТ Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° МОСКВА.